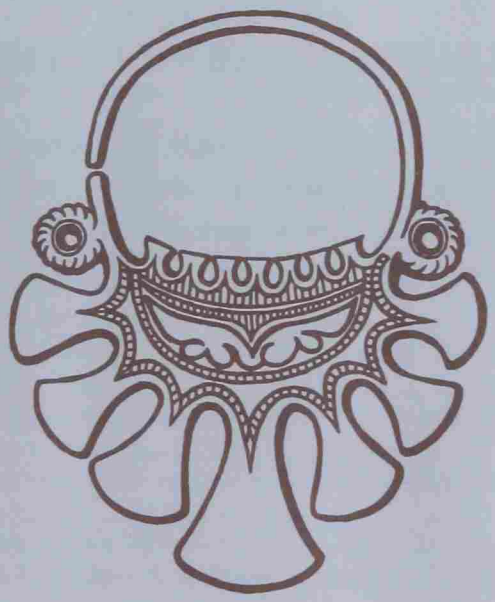
ISSN 0869-6063

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ



2000 2

3-й отд.

Н.Г. ГОРБУНОВА

О ВООРУЖЕНИИ СРЕДНЕАЗИАТСКИХ СКОТОВОДОВ

(II (III?) в. до н.э. – V в. н.э.)

В настоящее время накоплены значительные коллекции оружия, найденного в могильниках среднеазиатских скотоводов. Имеются отдельные работы по классификации и типологии разных категорий оружия, в первую очередь, наконечников стрел (Сорокин С.С., 1956; Литвинский Б.А., 1965; Брыкина Г.А., Горбунова Н.Г., 1984; Обельченко О.В., 1992, с. 158–172; Кожомбердиев И.К., Худяков Ю.Г., 1987, с. 75–106), а также мечей и кинжалов из Согда (Обельченко О.В., 1978). Кроме того, при публикации материалов из могильников в ряде работ значительное внимание уделялось вооружению (Мандельштам А.М., 1966, с. 101, 111; 1975, с. 48, 114, 135, 140; Литвинский Б.А., Седов А.В., 1984, с. 130–132; Обельченко О.В., 1992, с. 150–176; Вайнберг Б.И., 1991, с. 55–62).

Мною собран материал по оружию, в основном, по опубликованным данным, из 250 погребений разного типа из 70 могильников различных районов Средней Азии. Никакой корреляции между типами погребальных сооружений и типами оружия не выявлено.

Прежде всего обратимся к наконечникам стрел. Не предлагая новой классификации, использую терминологию авторов вышеуказанных работ. Бронзовые наконечники стрел найдены в ряде погребений на Устюрте (Древняя и средневековая культура..., 1978, с. 104, 105), на Узбое вместе с железными (Юсупов Х., 1986, с. 50–52, 88–90), в том числе с железными трехгранными с длинным черешком (Юсупов Х., 1986, с. 99–101). Все погребения датированы в пределах IV–II вв. до н.э. К числу наиболее ранних железных наконечников стрел относятся также наконечники из Памирских могильников: двуперые, втульчатые, вытянутые и трехперые с опущенными жальцами (Литвинский Б.А., 1972, с. 101–103, табл. 36), датированные IV–III вв. до н.э. Втульчатые, но, видимо, трехлопастные, упоминаются в описании находок курганов КГ-1/3 и КГ-3 Орлатского могильника в Согде, но воспроизведения их нет (Пугаченкова Г.А., 1989, с. 127, 129, возможно, рис. 54). Еще один наконечник со втулкой и вставленным в нее черешком происходит из могильника Кулкудук в Центральных Кызыл-Кумах (Манылов Ю.П., 1990, рис. 2, *15*). Комплекс датирован III–II вв. до н.э.

Все вышеописанные наконечники, происходящие из разных районов Средней Азии, не составляют какую-то группу. Но, возможно, одновременно или несколько позже них распространяются железные трехлопастные наконечники стрел с опущенными жальцами, составляющими уже большую группу, их учтено до 202 единицы[1]. Они несколько различаются по размерам и особенностям формы: длина боевой части от 2,5 до 7 см, размах лопастей от 1,2 до 2,5 см, лопасти более узкие или более широкие, изредка слегка закругленные (рис. 1, *1*). Распределение их по районам Средней Азии дано на рис. 1. В погребении бывает от 1 до 5–6 экземпляров стрел, хотя иногда 14–15. Практически основными они являются в Бактрии и Согде[2], причем в Бактрии

[1] Вероятно, к ним следует отнести три наконечника с треугольной боевой частью, с углублениями на гранях и тоже с опущенными жальцами (Мандельштам А.М., 1966, табл. XII, *12–14*).

[2] Значительное количество таких наконечников в Согде происходит за счет суммарного учета их в Орлатском могильнике.

© Н.Г. Горбунова, 2000 г.

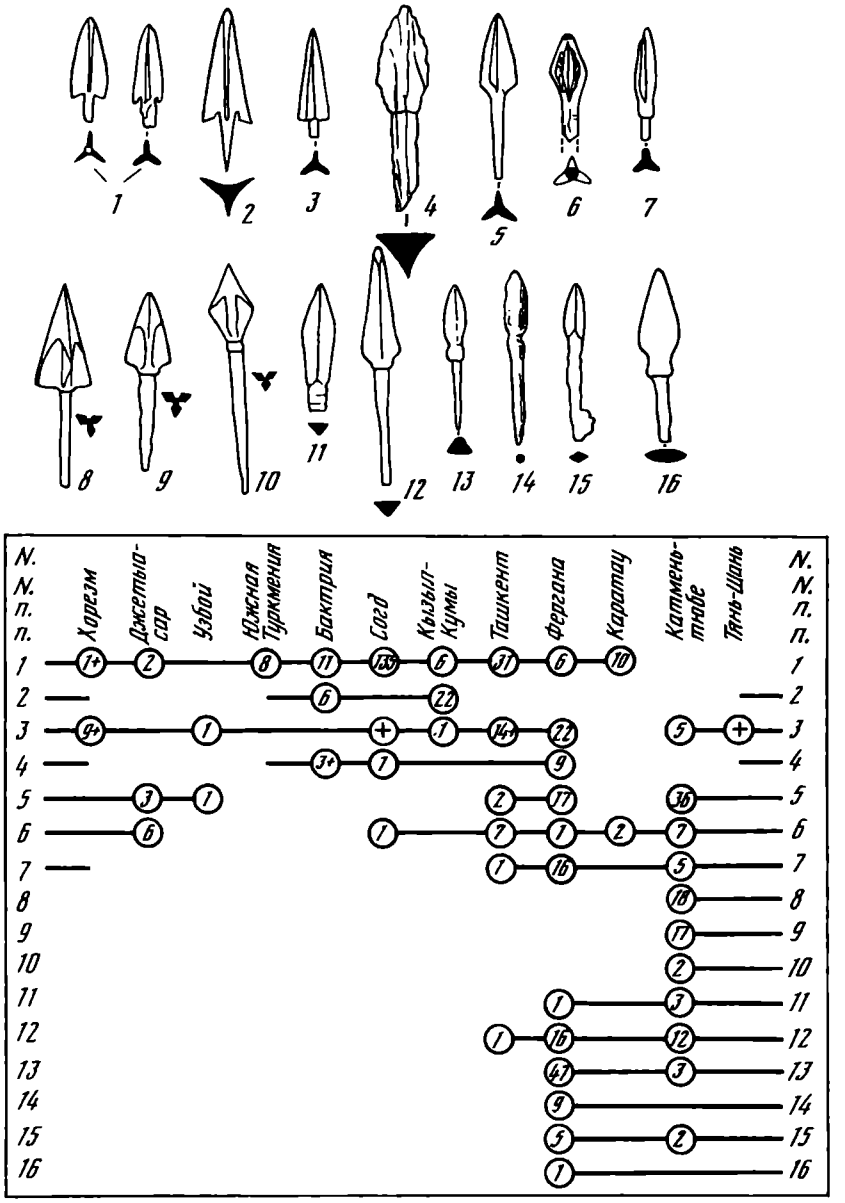


Рис. 1. Распределение типов наконечников стрел по районам Средней Азии.
1 – Согд, Кую-Мазар I (по О.В. Обельченко); *14* – Фергана, Кайрагач V; *3, 5* Куюк-тепе I; *7* – Карабулак; *13* – Хангиз II; *16* – Кокташ (по Г.А. Брыкиной и Н.Г. Горбуновой); *2* – Центральные Кызыл-Кумы, Кулкудук (по Ю.П. Манылову); *4* – Бактрия, Аруктау (по А.М. Мандельштаму); *6* – Ташкент, погребение на Ак-тобе 2 (по А.Г. Максимовой и др.); *8–12, 15* – Кетмень-тюбе (по И.К. Кожомбердиеву и Ю.Г. Худякову)

они известны и на городищах (Пугаченкова Г.А., 1966, рис. 38; Литвинский Б.А., Пичикян И.Р., 1981, с. 206, 209), где их датируют обычно II в. до н.э. – I в. н.э. Часть таких наконечников в Бактрии и Центральных Кызыл-Кумах имеют вырез между пером и черешком (рис. 1, *2*). В Ташкентском районе и Фергане наконечники стрел с опущенными жальцами встречаются в сочетании с другими типами наконечников (рис. 2, *2–7*) (Максимова А.Г. и др., 1968, с. 220, табл. XVIII, *1, 6, 7, 11, 14, 17, 21*; Оболдуева Т.Г., 1988, рис. 2, *14*; Брыкина Г.А., Горбунова Н.Г., 1984, с. 30, рис. 1–4; Литвинский Б.А., 1965, с. 83, рис. 7–9; Кадыров Э., 1975, рис. 8, *3*).

Следующим является тип трехлопастного наконечника с прямым основанием пера (рис. 1, *3*). Они известны во всех районах Средней Азии, учтено примерно 70 экземпляров, но вообще их значительно больше, просто не всегда их можно выделить по

публикациям (Кибиров А.К., 1959, рис. 22, 28). Имеется необычный наконечник с маленькой "муфтой" у основания перьев в могильнике Кулкудук в Центральных Кызыл-Кумах (рис. 2, *3*). Трехлопастных с лавролистным очертанием пера (рис. 1, *4*) учтено всего 13.

Трехлопастных, у которых основание пера образует тупой угол по отношению к черешку, учтено 59 (рис. 1, *5*).

Трехлопастных наконечников с ромбическим очертанием пера, учтено 25 (рис. 1, *6*). Трехлопастных с треугольной головкой и муфтой-упором у основания перьев – 17 (рис. 1, *7*).

Особая группа наконечников была выделена И.К. Кожомбердиевым и Ю.Г. Худяковым. Это определенные ими как трехгранно-трехлопастные наконечники, имеющие, судя по воспроизведению, верхнюю часть головки трехгранную, а нижнюю – трехлопастную (Кожомбердиев И.К., Худяков Ю.Г., 1987, с. 81–84, рис. 5, *8*; 6, *1–6*). Все 28 наконечников подразделены на пять типов, которые совпадают с уже перечисленными типами трехлопастных: с прямым основанием пера – 4, тупоугольным – 18, ромбических – 2, с муфтой-упором – 4[3] (рис. 1, *8–10*).

Трехгранные наконечники стрел представлены тоже несколькими типами, к ним относятся редкие находки наконечников вытянутых пропорций со сводчатой головкой и опущенными концами перьев (Кадыров Э., 1975, с. 34; Воеводский М.В., Грязнов М.П., 1938, рис. 36). Трехгранные с бипирамидальной головкой (рис. 1, *11*) – 4 экз., с пирамидальной – 29 экз. (рис. 1, *12*). Трехгранных с выемкой в нижней части и муфтой-упором (рис. 1, *13*) учтено 50 экз., из них 47 происходят из Ферганы.

Пулевидных наконечников 9 и все они из Ферганы (рис. 1, *14*). Известно также 7 четырехгранных и один двуперый.

Наряду с металлическими известны костяные и деревянные наконечники стрел. Форма деревянных, ввиду плохой сохранности, неизвестна. Костяные наконечники происходят из Кенкольского могильника на р. Талас в Киргизии (5 экз.) (Бернштам А.Н., 1940, рис. XXIX); из могильников джетыасарской культуры – с плоским черешком четырехгранных – 5, трехгранных – 2 (и 3 – без описания) (Левина Л.М., 1993, рис. 80, *9–11*;1996, с. 199, рис. 93); из могильника Дуана – два с уплощенно-ромбической трехгранной головкой и плоским черешком (Древняя и средневековая культура..., с. 108, рис. 30, *11*, *12*).

Луки в целом виде (4 экз.) были найдены в Кара-Булакском могильнике. Это сложно-составные луки с семью костяными накладками (Баруздин Ю.Д., 1961, с. 61, 62). Накладки на лук были найдены еще в 80 погребениях (Бактрия – 1, Согд – 6, Центральные Кызыл-Кумы – 3, Фергана – 12, Кетмень-тюбе – 2, Хорезм – 8, Устюрт – 1, Узбой – 1, Талас – 1, Тянь-Шань – 8, джетыасарская культура – 37). В большинстве случаев найдены срединные боковые, либо концевые накладки, либо те и другие вместе, еще реже и фронтальные. Концевые в разных местах несколько различны, но большей частью слабо изогнуты, длиной примерно 27 см, с арочным вырезом на расстоянии 1,5–1,7 см от конца накладки, реже сильно изогнутые или разновеликие, либо имеют арочный вырез на расстоянии 3–4 см от конца накладки. И.К. Кожомбердиев и Ю.Г. Худяков выделяют два типа луков в Кенкольской культуре. Один они считают близким хуннским, другой – близким раннетюркским (Кожомбердиев И.К., Худяков Ю.Г., 1987, с. 80). Л.М. Левина выделяет различные типы сложных луков в джетыасарской культуре (Левина Л.М., 1996, с. 159, 196, 243, рис. 35, *1*, *2*, *8*, *9*; 87–91; 125, *1*, *2*; 126, *1*, *2*; 128, *1*, *2*; 130; 131). Но отличия не совпадают у разных авторов. Видимо, судя по разным типам концевых накладок, отличия были, но пока их трудно выявить. Размеры луков все авторы указывают в

[3] Не исключено, что к этой группе может быть отнесен наконечник стрелы из Алайского могильника Кургак, который неоднократно фигурирует в печати как наконечник "скифского типа" (Бернштам А.Н., 1952, с. 309, рис. 76, *г*). К "скифскому типу" он не относится.

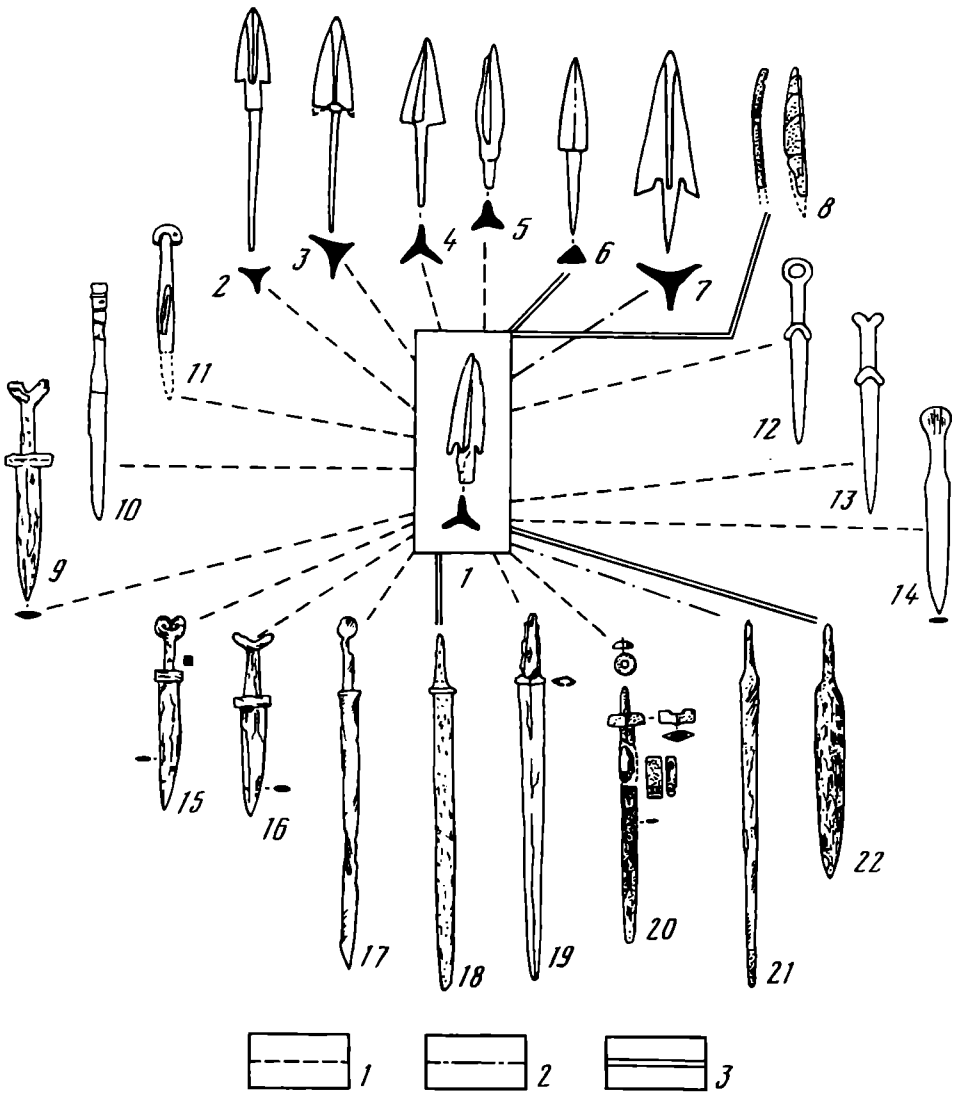


Рис. 2. Сочетание наконечников стрел с опущенными жальцами с другими типами наконечников и прочим оружием. *а* – от 1 до 3 случаев; *б* – от 4 до 7; *в* – от 14 до 19. *1, 4–6* – Фергана, Кайрач V, Кара-Булак, Кокташ (по Г.А. Брыкиной и Н.Г. Горбуновой); *2, 3, 7, 18* – Центральные Кызыл-Кумы, Кулкудук, Джузкудук 2 (по Ю.П. Манылову); *8, 20* – Согд, Орлатский могильник (по Г.А. Пугаченковой); *9, 15, 16, 19* – Бактрия, БМУ (по Б.А. Литвинскому и А.В. Седову); *10, 11* – Ташкент, Актам (по С.Б. Луниной); *12–14, 17* – Согд, Лявандак, Кую-Мазар, Агалыксай (по О.В. Обельченко); *21* – Ташкент, Жаман-Тогай (по А.Г. Максимовой и др.); *22* – Бактрия, Бабашовский (по А.М. Мандельштаму)

пределах 140–160 см. Хорошо видны сложно-составные луки на Орлатских пластинах со сценами баталии и охоты (рис. 3). Там также виден колчан, справа притороченный к седлу коня. Он трехчастный, с широким отделом для лука и двух узких – для стрел (Пугаченкова Г.А., 1987, с. 57, 58).

Помимо луков известны костяные кольца для их натягивания (Пугаченкова Г.А., 1989, с. 132; Лунина С.Б., 1983, с. 49), костяные, каменные или деревянные выпукло-вогнутые пластины, небольшие костяные цилиндры – тоже для защиты пальцев при натягивании тетивы луков (Левина Л.М., 1996, с. 197). Луки и костяные накладки сочетаются со всеми типами наконечников стрел, но меньше всего с наконечниками с опущенными жальцами (19 из 80).

Мечи известны с перекрестьем и навершием, только с перекрестьем, без перекрестья и навершия. Длина их, обычно, в пределах 80–100 см, длина рукоятей от 9 до 20 см, перекрестье большей частью шире лезвия на 1–2 см, редко – вдвое. В по-

гребениях мечи обычно лежали слева от погребенного, рукоять иногда на плече. В погребениях джетыасарской культуры – слева от пояса вдоль левого бедра или справа за плечом (Левина Л.М., 1996, с. 196). Мечей с навершием учтено 9, из них 7 из Согда (Обельченко О.В., 1978, с. 116–120; Иваницкий Н.Д., Инноваткина О.Н., 1988, с. 54, рис. II, *1*) (рис. 2, *17*). Короткий меч или кинжал с мраморовидным сегментом-навершием, нефритовой обкладкой перекрестья и нефритовой скобкой для подвешивания меча происходит из Орлатского могильника (Пугаченкова Г.А., 1989, с. 128, 129, рис. 56) (рис. 2, *20*). Небольшое навершие в виде сегмента имеется у меча из могильника Тумек-Кичиджик (Вайнберг Б.И., 1991, с. 59, рис. 16), "лунообразное" навершие на фрагменте меча из Берккаринского могильника, Каратау (Бабанская Г.Г., 1956, табл. 8, *1*). Мечей с перекрестьем без навершия учтено 38 (рис. 2, *18*) и не уточненное количество из 24 погребений джетыасарской культуры (Левина Л.М., 1996, с. 196, рис. 85). В Согде известно 20, в том числе два меча с бронзовым перекрестьем; в Бактрии 10 (Литвинский Б.А., Седов А.В., 1984, с. 132), в том числе один с бронзовым перекрестьем (рис. 2, *19*); в Центральных Кызыл-Кумах 4 (Манылов Ю.П., 1990, рис. 1, *2*; 1992, рис. 2, *1*; Манылов Ю.П., Абдукаримов Р., 1990, рис. 2, *10*); в Ташкентском районе 2, в том числе один с бронзовым перекрестьем (Максимова А.Г. и др., 1968, с. 224, табл. XX), другой с перекрестьем, инкрустированным золотой проволокой (Лунина С.Б., 1983, с. 46, 47, рис. 4); в Хорезме 3 (Маслов В.Е., Яблонский Л.Т., 1996, рис. 4, *1–3*); на Узбое 3 (Юсупов Х., 1986, с. 114, 115, рис. 38, *3–5*). В могильнике Кулкудук перекрестье меча слегка прогнуто, судя по описанию (Манылов Ю.П., 1990, с. 52). Прогнутые перекрестья отмечены также на мечах из могильников Хорезма.

Особую форму имеет вышеупомянутое перекрестье из Орлатского могильника – у него в центре углубление и соответствующий выступ внизу. Такие мечи изображены на батальной сцене Орлатского могильника, причем, на ножнах было соответствующее углубление для выступа (рис. 3). Мечи на пластинке имеют раструбообразное навершие, аналогии которому мне неизвестны, но О.В. Обельченко отмечал "воронкообразное" навершие из бронзы из Кую-Мазарского могильника (Обельченко О.В., 1976, с. 533).

Мечей без перекрестья и навершия, большей частью, с покатыми плечами, учтено 23 (рис. 2, *11*) (по 2 в Согде, Бактрии, Южной Туркмении, Фергане, 10 в Ташкентском районе, 4 в Кетмень-тюбе, один в Каратау) и 4 с прямыми плечиками (2 в Ташкентском районе, 1 в Бактрии, 1 в Согде). Какое-то количество таких мечей учтено было и в джетыасарской культуре. Однолезвийных мечей учтено 11 (пять в Кетмень-тюбе, 1 в Согде, 5 в Фергане), а также, видимо, находки их известны в джетыасарской культуре.

Все мечи имели ножны, от которых сохранились остатки дерева, нередко со следами красной краски, иногда и с тканью. Особые ножны были найдены в могильнике Казахаул в Центральных Кызыл-Кумах: железные, покрытые тканью, деревом и кожей ярко красного цвета, поверх которой лежал слой неопределенного материала (Манылов Ю.П., 1992, с. 64).

Кинжалы имеют более разнообразные навершия. Из 60 учтенных кинжалов 36 с сердцевидным навершием, все они происходят из Бактрии (рис. 2, *9*). Характеристика кинжалов из Согда дана О.В. Обельченко (1978, с. 120–123). Среди них есть кинжалы и с дуговидным перекрестьем (рис. 2, *12*, *13*), без перекрестья (рис. 2, *14*), с прямым перекрестьем (типа рис. 2, *15*, *16*). Четыре кинжала из Хорезма и два с Узбоя имели кольцевидные навершия (Маслов В.Е., Яблонский Л.Т., 1996, рис. 4, *4–6*; Юсупов Х., 1986, рис. 38, *2*, *6*), один из Ташкентского района – полукруглое плоское навершие (рис. 2, *11*), узкие кинжалы – "стилеты" – из Согда и Ташкентского района (рис. 2, *10*). Известны кинжалы только с прямым перекрестьем: на Тянь-Шане (Кибиров А.К., 1959, с. 123) и в могильниках джетыасарской культуры (Левина Л.М., 1996, рис. 86, *5*, *9*, *11*).

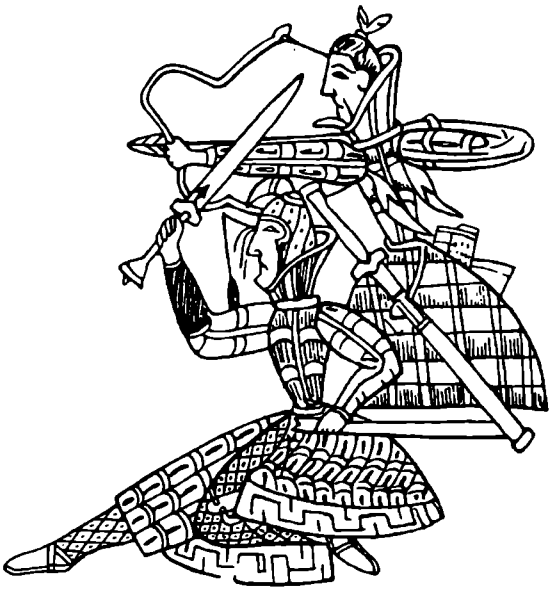


Рис. 3. Фрагмент батальной сцены на Орлатской пластинке (по Г.А. Пугаченковой)

Кинжалов без перекрестья и навершия учетно 33 (рис. 2, *22*) (2 в Согде, 3 в Бактрии, 6 в Фергане, 15 в Ташкенте, 3 в Центральных Кызыл-Кумах, 1 в Кетменьтюбе). Прямые плечики имели 3 кинжала (1 в Бактрии, 2 в Ташкенте). Известно 9 однолезвийных кинжалов (1 в Согде, 6 в Фергане, 2 в Ташкенте). Кинжалы обычно лежали справа от погребенных, но некоторые – поперек пояса (Фергана).

Из прочего металлического оружия известны единичные находки копий из Кетменьтюбинского могильника Торкен – линзовидные (Кожомбердиев И.К., Худяков Ю.Г., 1987, с. 90); два листовидной формы из Тамдинского (Маловицкая Л.Я., 1949, с. 120); булава и острога из Шаушукумского могильника (Максимова А.Г. и др., 1968, рис. XXV, *3*: XXXIV, *12*). На Орлатских пластинах видны и копья и еще боевые топорики-клевцы.

Защитный доспех найден только в кургане 3 могильника Акчий-Карасу в Кетменьтюбе. Как предполагают авторы, он "состоял, видимо, из чешуйчатого нагрудника, сплошь покрытого сферическими выступами, изогнутых пластинок предплечья и оплечий, узких горизонтальных пластин рукавов, ламмелярного подола" (Кожомбердиев И.К., Худяков Ю.Г., 1987, с. 97). Иные доспехи изображены на пластинке из Орлатского могильника (рис. 3). Они имеют вид длинного кафтана с наручами, расширяющимися к низу. Доспехи пластинчатые и чешуйчатые из продолговатых, полуовальных пластин, причем, у всех воинов они различны по внешнему виду. На головах воинов шлемы полуовальной формы с выемкой у висков, на макушке кольцевое навершие с отверстием, где закреплен хвост-куйрук (Пугаченкова Г.А., 1987, с. 60, 61, рис. на с. 57).

Для исследования сочетания различных категорий и типов оружия отбирались преимущественно ненарушенные погребения. Наиболее разнообразная часть оружия сопрягается с железными наконечниками стрел с опущенными жальцами (рис. 2). С ними найдены почти все мечи и кинжалы с навершиями (неясно только, сочетаются ли с ними кинжалы с кольцевым навершием). С этими наконечниками найдены 15 из 38 мечей с перекрестьем, 13 из 33 кинжалов и 6 из 23 мечей без перекрестья и навершия, 19 из 80 накладок на лук. Остальное оружие сопрягается с другими типами наконечников. Так, мечи с перекрестьем дважды найдены с трехлопастными наконечниками с прямым основанием пера, по одному разу с тупоугольным основанием, с втульчатым, с трехлопастным с втулкой и черешком и с маленькой муфтой. Кинжалы

без перекрестья и навершия девять раз сочетаются с трехлопастными с прямым основанием перьев, дважды с тупоугольным, один раз с наконечником с ромбической формой головки. Мечи без перекрестья и навершия пять раз встречены с трехлопастными с прямым основанием, дважды с трехгранными, по одному с наконечником с ромбическим очертанием головки и с пулевидным. Однолезвийные кинжалы сочетаются с трехлопастными наконечниками с прямым основанием пера, по одному с такими же, но с упором-втулкой, с пулевидными и с трехгранными. Необходимо добавить, что кинжалы без перекрестья и навершия 11 раз найдены с мечами с перекрестьем, 1 раз с кинжалом с серповидным навершием, с навершием полукруглым и стилетом, дважды с мечами без перекрестья и навершия. К сожалению, не удалось детально проследить сочетание различных типов оружия в могильниках джетыасарской культуры, Кетмень-тюбе и Таласа, Тянь-Шаня. В последнем наконечники стрел сочетаются, в основном, с накладками на лук. Во всех случаях, насколько удалось проследить, сочетаются наконечники различных типов, исключая наконечники с опущенными жальцами.

Таким образом, определяются несколько групп вооружения, правда, не очень четко разграниченных. Небольшая, с бронзовыми наконечниками стрел, но и с железными трехгранными или удлиненными втульчатыми. С ними найден длинный меч с дуговидным перекрестьем (Устюрт) и кинжалы с серповидным навершием (Узбой). Но основная, первая группа, как указано выше, определяется железными наконечниками стрел с опущенными жальцами, с которыми сочетаются почти все кинжалы и мечи с перекрестьями и навершиями, часть кинжалов и мечей без перекрестий и наверший, часть накладок на лук. Вторая группа не является полностью изолированной, так как тот же тип наконечников еще продолжает существовать, но появляются и распространяются наконечники с прямым основанием пера, исчезают мечи с навершиями, еще остаются, видимо, кинжалы с кольцевым навершием (Хорезм) и серповидным (?) (Ташкент), но уже преобладают кинжалы и мечи без перекрестья и навершия, появляются наконечники стрел с треугольным основанием перьев и трехгранные. К третьей группе относятся все остальные типы наконечников стрел, продолжают существовать кинжалы и мечи без перекрестья и навершия, но появляются мечи с прямыми плечиками, однолезвийные мечи и кинжалы.

Есть еще одна категория вещей, тесно связанная с оружием. Это пряжки, на характеристике которых здесь нет возможности остановиться. Отметим только, что к первой группе относятся пряжки из железа, бронзы и кости с неподвижным креплением.

Вопросы абсолютной хронологии следует попытаться решить без учета хронологии сарматской культуры. Погребения с бронзовыми и наиболее ранними железными наконечниками стрел датируются в пределах IV–III–II вв. до н.э. и для пересмотра этих дат нет оснований. Для нас более существенны даты наконечников стрел с опущенными жальцами, наиболее ранний из которых датирован, как указано выше, IV–III вв. до н.э. Но основное количество этих стрел датируется несколько более поздним временем. Так, А.М. Мандельштам датировал Тулхарский могильник (Бактрия) последней третью II в. до н.э. – I в. н.э., опираясь на находки монет – подражание оболам Евкратида (он относил их к последней трети II–I в. до н.э.) и анализа развития форм бокалов (Мандельштам А.М., 1966, с. 158, 159). С такой монетой в погребении кургана I, 18 был найден кинжал с сердцевидным навершием. Еще в двух погребениях были найдены такие же и близкие к ним наконечники стрел с такими же кинжалами и мечами с перекрестьем. Те же сочетания отмечены и в бактрийском могильнике БМУ[4]. Е.В. Зеймаль, предлагая иные даты для упомянутых монет, относит монету из кургана I, 18 к середине I в. до н.э. (Зеймаль Е.В., 1984, с. 182, 186). Но такой же кинжал в другом бактрийском могильнике (Ксиров) найден с монетой, датированной Е.В. Зеймалем второй половиной I – началом II в. н.э. (Денисов С.П., 1977, с. 90; Зеймаль Е.В., 1984). Б.А. Литвинский и А.В. Седов полагают, что Тулхарский могильник и могильник БМУ могут быть датированы I–II вв. (Литвинский Б.А., Седов

[4] Данные об этом могильнике переданы мне И.Н. Медведской, за что я ей очень благодарна.

А.В., 1984, с. 134). Я принимаю датировку А.М. Мандельштама. Но при всей разнице в датах очевидно, что рассматриваемые наконечники бытовали в I в. до н.э. – I в. н.э., и с учетом их даты в бухарских могильниках на основании находки тетрадрахмы греко-бактрийского царя Гелиокла (началом эмиссии этих монет считается начало II в. до н.э.) можно считать, что они распространены уже во II в. до н.э. Вместе с монетой Гелиокла найден не только такой наконечник, но и меч с перекрестьем (Обельченко О.В., 1992, с. 86). В то же время наконечники стрел рассматриваемого типа, но с выемкой между пером и черенком, найдены в некрополе Тилля-тепе I в. н.э. в Афганистане (Sarianidy V., 1985, p. 251, № 4. 37 Ш 156) (но кинжалы, найденные там, не имеют аналогий в Средней Азии). К ранним относится и наконечник из Берккаринского могильника (Каратау) и из могильника Куян-Тугай в Таласской долине (Heikel H., 1918, tabl. VI, *3*). В то же время такие наконечники стрел, как отмечалось выше, найдены в могильниках Шаушукум и Джун Ташкентского р-на, Кайрагач и Гурмирон в Фергане, Тамдинском – Каратау. Здесь они найдены либо в сочетании с другими наконечниками стрел или с мечами и кинжалами без перекрестья и навершия. Датируются все эти погребения уже в пределах II–Ш вв. н.э. и бытуют, как очевидно, на северо-востоке Средней Азии (дата могильника Тамды в Каратау III–I вв. до н.э., по-видимому, может быть пересмотрена в сторону омоложения). Позднее III в. они вряд ли существуют, так как не сочетаются с более поздними типами наконечников.

Из числа прочего оружия первой группы следует остановиться на датах мечей с перекрестьем. Так, Б.И. Вайнберг полагает, что они появились в Средней Азии в начале эллинистической эпохи, в "переходные" формы с изогнутым перекрестьем следует датировать как и сарматские, временем не позднее IV–III вв. до н.э. (Вайнберг Б.И., 1991, с. 50, 59). Однако у хорезмийских мечей перекрестье слегка прогнуто, а не выгнуто, как у сарматских "сломанных" перекрестий. Л.Т. Яблонский относит появление мечей с перекрестьем в Средней Азии на рубеже II–I вв. до н.э. и отмечает их восточное происхождение (Маслов В.Е., Яблонский Л.Т., 1996, с. 174), но не выделяет особой датой мечи с прогнутым перекрестьем. Вместе с последними найдены и кинжалы с кольцевым навершием, которые Б.И. Вайнберг сравнивает с таковыми из Согда. Но у согдийского кинжала как раз дуговидное перекрестье, тогда как у хорезмийских прямое. Б.И. Вайнберг отмечает, что керамика из могильника Тумек-Кичиджик, где найдены упомянутые мечи и кинжалы, принадлежит к четкому хронологическому комплексу IV–II вв. до н.э. и позднее не встречается (Вайнберг Б.И., 1991, с. 101, прим. 101). Но мечи и кинжалы могли появиться и в конце этого периода. Думаю, что появление мечей с перекрестьем, скорее все же относится ко II в. до н.э.

Особый вопрос – дата короткого меча или кинжала из Орлатского могильника с железным перекрестьем, обложенным нефритовыми пластинками и с нефритовой скобой для подвешивания меча. Мечей с таким перекрестьем на территории наших степей мне не известно. Но близкий ему меч был найден в корейской гробнице I в. н.э. (Jetts W.P., 1926, p. 196). Скобы для подвешивания, по сарматской хронологии, относятся к позднесарматскому периоду (Хазанов А.М., 1971, с. 27), в Китае же они появляются рано и классификация их основана на типах орнамента. Неорнаментированные появляются в эпоху Западных Хань (206 г. до н.э. – 25 г. н.э.). По профилю скоба из Орлатского могильника похожа на скобу Cg 65 по каталогу Трусдала (Trousdal W., 1975, fig. 9), датированную временем ранней Западной Хань, очевидно, II в. до н.э. Некоторым дополнением для даты первой группы может быть необычный железный наконечник стрелы из могильника Кулкудук. Отдаленной аналогией ему является трехлопастной наконечник стрелы из Монголии, имеющий втулку со вставленным в нее черешком. Он отнесен С.В. Киселевым к числу находок "скифского времени" (Киселев С.В., 1947, рис. 3, *д*). Трехлопастные наконечники с прямым основанием появляются еще при бытовании наконечников с опущенными жальцами, но в позднем периоде их существования. Определенной даты предложить невозможно, но очевидно в I в. н.э. они уже существуют. Во второй группе, как отмечалось, еще встречаются кинжалы с перекрестьем и навершием и мечи с перекрестьем.

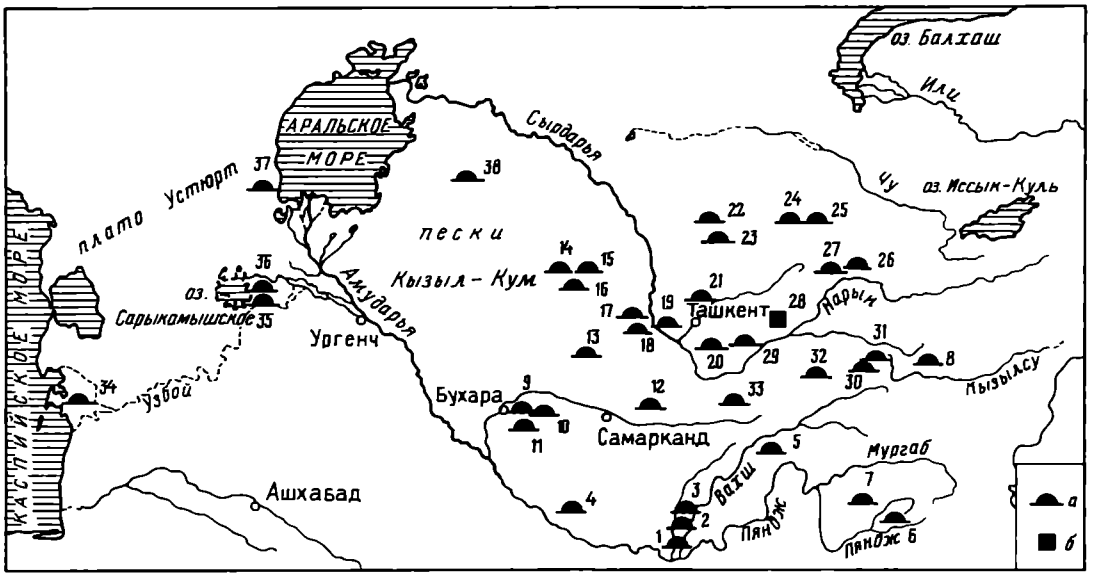


Рис. 4. Памятники, упоминаемые в тексте: *1* – Аруктау; *2* – Тулхарский; *3* – БМУ; *4* – Бабашовский; *5* – Ксиров; *6* – Шаймак; *7* – Аличур II; *8* – Кургак; *9* – Лявандак; *10* – Кую-мазар; *11* – Агалыксай; *12* – Сирлибай; *13* – Орлатский; *14* – Кулкудук; *15* – Джузкудук; *16* – Казахаул; *17* – Актобе; *18* – Шаушукум; *19* – Жаман-Тогай; *20* – Актам; *21* – Джун; *22* – Берккара; *23* – Тамдинский; *24* – Кенкол; *25* – Куян-Тугай; *26* – Торкен; *27* – Акчий-Карасу; *28* – Куюк-тепе; *29* – Гурмирон; *30* – Хангиз; *31* – Кокташ; *32* – Кара-Булак; *33* – Кайрагач; *34* – Келькор; *35* – Тумек-Кичиджик; *36* – Гяур IV; *37* – Дуана; *38* – погребальные памятники Джетыасарской культуры (*а* – могильники, *б* – поселение)

В третьей группе чрезвычайно широко представлены различные типы наконечников стрел. Их хронология уже рассматривалась в указанных специальных статьях. Так, наконечники с тупоугольным основанием появляются несколько позже, чем с прямым, в пределах II–III вв. Трехлопастные с упором и трехгранные, скорее всего, в IV–V вв.н.э. и этим же временем датируются трехгранные с уступом. Таким образом, можно предположить, что первая группа вооружений относится ко II в. до н.э. – I в. н.э., вторая – ко II (I?) – III вв., третья – к IV–V вв.

Особо следует оговорить, что трехгранно-трехлопастные наконечники – это специфика кенкольской культуры. Но найденные вместе с ними остальные наконечники не выходят за рамки используемой в данной статье классификации и встречаются почти со всеми другими, кроме наконечников с опущенными жальцами. Поэтому я думаю, что дата их всех не I–V вв., а скорее, III–V вв.

Такова на сегодняшний день картина развития разного типа оружия у скотоводов Средней Азии (рис. 4).

И, коротко, о возможном происхождении рассмотренных комплексов вооружения. Так, Б.А. Литвинский считает возможным свою местную линию развития бактрийского оружия (Литвинский Б.А., Седов А.В., 1984, с. 132). В свою очередь, Б.И. Вайнберг также видит местное, но хорезмийское (точнее, Приаральское) развитие мечей с перекрестьем (Вайнберг Б.И., 1991, с. 61) и сочетание их с кинжалами[5]. О.В. Обельченко считал могильники, раскопанные им, а следовательно, и оружие, сарматскими (Обельченко О.В., 1992, с. 224–226). В.Е. Маслов и Л.Т. Яблонский отмечают, что сочетание мечей с перекрестьем и кинжалов с кольцевым навершием характерно для памятников левобережного Хорезма и северо-западной Туркмении и является этнографической особенностью этого населения (Маслов В.Е., Яблонский Л.Т., 1996, с. 174).

[5] Б.И. Вайнберг не совсем права, полагая, что у всадников Средней Азии всегда сочетаются длинный меч и кинжал, и меч без кинжала не встречается. Мечи без кинжалов найдены в одиннадцати погребениях Согда и двух погребениях в Кызыл-Кумах. Значительно чаще, правда, встречаются кинжалы без мечей.

И.К. Кожомбердиев и Ю.Г. Худяков отмечают, что набор стрел кенкольской культуры отличен и от хуннского, и от комплексов южносибирских культур, где мало бронебойных наконечников и борьба шла, видимо, с легковооруженным противником. Наибольшее сходство они видят в комплексе согдийских стрел VII–VIII вв. и делают вывод о том, что кенкольский комплекс близок согдийскому, но отличен хронологически (Кожомбердиев И.К., Худяков Ю.Г., 1987, с. 87, 88). Однако такой комплекс, за исключением трехгранно-трехлопастных наконечников, которых нет и в Согде, есть в Фергане и Ташкенте. Далее авторы считают возможным видеть возникновение кенкольской культуры на рубеже н.э. на базе консолидации части тохарских племен и вооружения "кенкольцев" полагать результатом эволюции общетохарского (восточносарматского) комплекса. Но нам неизвестны особенности вооружения "восточносарматского" комплекса. Рассматривать варианты вопросов происхождения комплексов вооружения в данной статье нет возможности. Считаю необходимым, однако, отметить близость Ферганского, кенкольского и, отчасти, ташкентского комплексов (возможно, сюда входил и тянь-шаньский), причем, ташкентский занимал как-бы промежуточное положение между Ферганой и Согдом, но ближе к кенкольско-ферганскому. Происхождение его трудно проследить, так как он появляется в готовом виде в начале I тыс. н.э. Другой комплекс выделен В.Е. Масловым и Л.Т. Яблонским. Этот комплекс представляется мне наиболее близким сарматскому, что вполне объяснимо, учитывая сезонные миграции с юга на север. Третий комплекс я бы отнесла к согдийско-бактрийскому и к нему, скорее всего, примыкает оружие из курганов Центральных Кызыл-Кумов. Различны эти комплексы и хронологически. Согдийско-бактрийский почти целиком попадает в первую группу, "хорезмийско-узбойский" частично в первую, но больше во вторую, а кенкольско-ферганский также, как и ташкентский, во вторую и третью. В основном, к третьей группе можно отнести и джетыасарские комплексы. Происхождение же их всех пока все же остается дискуссионным.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бабанская Г.Г., 1956. Беркаринский могильник // ТИАЭ Казахской АН. Т. I.

Баруздин Ю.Д., 1961. Кара-Булакский могильник // ИАН Киргизской ССР. Серия общественных наук. Т. III. Вып. 3. Фрунзе.

Бернштам А.Н., 1940. Кенкольский могильник. Л.

Бернштам А.Н., 1952. Историко-археологические очерки Тянь-Шаня и Памиро-Алая // МИА. № 26.

Брыкина Г.А., Горбунова Н.Г., 1984. Железные наконечники стрел из Ферганы // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М.

Вайнберг Б.И., 1991. Изучение памятников Присарыкамышской дельты Амударьи в 70–80 годах // Скотоводы и земледельцы левобережного Хорезма. М.

Воеводский М.В., Грязнов М.П., 1938. У-суньские могильники на территории Киргизской ССР // ВДИ. № 3(4).

Денисов Е.П., 1977. Работы в Ленинградском и Дангаринском районах // АРТ. Вып. XVII.

Древняя и средневековая культура юго-восточного Устюрта, 1978. Ташкент.

Зеймаль Е.В., 1984. Подражание оболам Эвкратида // Литвинский Б.А., Седов А.В. Культы и ритуалы Кушанской Бактрии. Приложение. М.

Иваницкий Н.Д., Инноваткина О.Н. 1988. Раскопки кургана Сирлибай-тепе // ИМКУ. Вып. 22.

Кадыров Э., 1975. Новые материалы к изучению культуры древних скотоводов Ферганы (по материалам раскопок могильника Гурмирон в 1973 г.) // УСА. Вып. 3.

Кибиров А.К., 1959. Археологические работы в Тянь-Шане // ТКАЭЭ. Т. II.

Киселев С.В., 1947. Монголия в древности // Известия Академии наук. Серия истории и философии. Т. IV. № 4.

Кожомбердиев И.К., Худяков Ю.Г., 1987. Комплекс вооружения кенкольского воина // Военное дело древнего населения Северной Азии. Новосибирск.

Левина Л.М., 1993. Раскопки могильников в окрестностях Бедаик-асар, Кос-асар, Томпак-

асар // Низовья Сырдарьи в древности. Вып. III. Джетыасарская культура. Ч. 2. Могильники Томпак-асар и Кос-асар. М.
Левина Л.М., 1996. Этнокультурная история Восточного Приаралья. М.
Литвинский Б.А., 1965. Среднеазиатские железные наконечники стрел // СА. № 2.
Литвинский Б.А., 1972. Древние кочевники крыши мира. М.
Литвинский Б.А., Пичикян И.Р.,1981. Тахты-Сангин – каменное городище (раскопки 1976–1978 гг.) // Культура и искусство древнего Хорезма. М.
Литвинский Б.А., Седов А.В., 1984. Культы и ритуалы Кушанской Бактрии. М.
Лунина С.Б., 1983. Погребальный инвентарь Актамского могильника (Пскентский район) // Материалы по археологии Средней Азии. Ташкент.
Максимова А.Г., Мерщиев М.С., Вайнберг Б.И., Левина Л.М., 1968. Древности Чардары. Алма-Ата.
Маловицкая Л.Я., 1949. Тамдинский курганный могильник III–I веков до н.э. // Известия АН Казахской ССР. Серия археологическая. № 67. Вып. 2. Алма-Ата.
Мандельштам А.М., 1966. Кочевники на пути в Индию // МИА. № 136.
Мандельштам А.М., 1975. Памятники кочевников кушанского времени в Северной Бактрии. Л.
Манылов Ю.П., 1990. Раскопки кулкудукской курганной группы в Центральных Кызыл-Кумах // ИМКУ. Вып. 23.
Манылов Ю.П., 1992. Курганы Кокпатаса // ИМКУ. Вып. 26.
Манылов Ю.П., Абдукаримов Р., 1990. Курганы III–II веков до н.э. в курганной группе Джузкудук 2 // Археологические работы на новостройках Узбекистана. Ташкент.
Маслов В.Е., Яблонский Л.Т., 1996. Могильник Гяур IV в Северной Туркмении // СА. № 2.
Обельченко О.В., 1976. Раскопки Кую-Мазарского могильника // АО–1975.
Обельченко О.В., 1978. Мечи и кинжалы из могильников Согда // СА. № 4.
Обельченко О.В., 1992. Культура античного Согда. По археологическим данным VII в. до н.э. – VII в. н.э. М.
Оболдуева Т.Г., 1988. Курганы на реке Джун // СА. № 4.
Пугаченкова Г.А., 1966. Халчаян. К проблеме художественной культуры Северной Бактрии. Ташкент.
Пугаченкова Г.А., 1987. Образ кангюйца в согдийском искусстве // Из художественной сокровищницы Среднего Востока. Ташкент.
Пугаченкова Г.А., 1989. Древности Мианкаля. Ташкент.
Сорокин С.С., 1956. О датировке и толковании Кенкольского могильника // КСИИМК. Вып. 64.
Хазанов А.М., 1971. Очерки военного дела сарматов. М.
Юсупов Х., 1986. Древности Узбоя. Ашхабад.
Heikel H., 1918. Altertumer aus dem Tale des Talas in Turkestan. Helsinki.
Jetts W.P., 1926. A Chinese Scabbard–Jade // The Burlington Magazine. V. XLIX. № CCLXXXIII.
Sarianidi V., 1985. The golden Hoard of Baktria. From Tillya-tepe. Excavation in Northern Afghanistan. Harry N: Abrams. Ing Publishers New Jork. Awrora Art Publishers. Leningrad.
Trousdal W., 1975. The Lond Sword end Scabbard Sliade in Asia // Smithsonion contributions to antropology. N. 17. Washington.

Государственный Эрмитаж,
Санкт-Петербург

N.G. GORBUNOVA

THE WEAPONS OF CENTRAL ASIATIC CATTLE-BREEDERS
(the 2nd(3rd?) century B.C. – the 5th century A.D.)

Summary

The analysis of different weapons' types occurring in the necropolises which belonged to Central Asiatic cattle-breeders resulted in outlining three basical chronological groups of weapons. The division was grounded on the morphology of arrow-heads (Fig. 1). The first group is dated to the 2nd century B.C. –1st century A.D. It comprises iron barbed arrow-heads, swords with a guard and a pommel, the major part of the daggers also with a guard and a pommel, a part of guarded swords without pommel, a part of daggers and swords without guard and pommel, and a part of bow-plaques (Fig. 2). The second group of weaponry dated back to the 2nd (1st?) – 3rd centuries A.D. includes a part of barbed arrow-heads, strait-based ones, those with obtuse-angled base, trihedral and bullet-shaped ones. In this period guarded swords without pommel are still in use, but daggers and swords without guard and pommel prevail. To the third group falling within the 4th – 5th centuries all types of arrow-heads are ascribed except berbed ones; guardless swords and daggers still survive, but straight-shouldered swords appear, as well as single-edged swords and daggers. The early group includes mainly the sites of Bactrian and Sogdian cluster, the first and second ones – those of Uzboy and Khorezm, the second and third ones – the sites situated in the north-eastern regions of Central Asia.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ОРДЕНА ЛЕНИНА ЭРМИТАЖ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ СБОРНИК

Под редакцией
академика Б. Б. ПИОТРОВСКОГО

29

«ИСКУССТВО»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1988

Н. Г. ГОРБУНОВА, Т. Г. ОБОЛДУЕВА

ПОСЕЛЕНИЕ АРАЛ-ТЕПЕ В ФЕРГАНЕ

В 1933—1934 гг. Ферганская экспедиция ГАИМК и Государственного Эрмитажа, организованная Б. А. Латыниным, обследовала территорию Кызыл-Ярской, Уч-Курганской и Кугайской степей вдоль нижнего течения р. Нарын в Северо-Восточной Фергане и выявила густую заселенность этого района в древности [*20*, рис. 93].

В 1967—1971 гг. на территории к З от ст. Кугай проводила работы Ферганская экспедиция Государственного Эрмитажа и ФОКМ под руководством Н. Г. Горбуновой. За прошедшие десятилетия сельскохозяйственными и ирригационными работами было уничтожено значительное число древних поселений. Сохранились только более крупные — с жесткими конструкциями на высоких стилобатах. Вблизи строившегося Большого Андижанского канала их было три: городище Куюк-тепе (у Б. А. Латынина — Кюль-тепе № 5 [*20*, с. 124, 125, рис. 98, 99]) и ранее не отмеченные Арал-тепе и Кыз-Мазар-тепе, расположенные в 3—1,5 *км* к З и ЮЗ от Куюк-тепе [*10*, с. 339, 340; отчет Ю. Е. Березкина (часть отчета Ферганской экспедиции 1967 г.) в арх. ФОКМ и ГЭ].

В настоящей статье публикуются материалы Арал-тепе. Поселение расположено в 3—4 *км* к ЮЗ от ст. Кугай на узком перешейке между двумя современными каналами. Оно представляло собой подквадратный в плане холм высотой 5 *м* и диаметром 23—24 *м*. Его края и особенно углы были сильно разрушены в результате выемки земли. Раскопками открыто прямоугольное в плане здание площадью 18,5×23 *м* (по реконструкции), ориентированное углами по сторонам света (рис. 1, 2). Так как углы не совсем точно совпадают с направлениями сторон света, для удобства в дальнейшем будем называть не «юго-восточная», а «южная» и т. д. Здание стояло на высокой платформе из крупных тяжелых кирпичей из глины без примеси самана, положенных на толстой промазке раствора (тоже без самана). Кирпичи размерами 38—40×34—35×8—10 *см* не очень правильной прямоугольной формы с утоньшающимися нечеткими краями напоминают гуваля. Северный край платформы был четко зафиксирован на расстоянии 3,2 *м* от наружной — северной стены здания. Здесь платформа была прослежена от уровня пола (2,8 *м*) до глубины 5,9 *м*, где кладка уже кончалась. В западной своей части платформа образовывала прямоугольный выступ под основание угловой западной башни. С южной стороны платформа сохранилась от уровня 4,4 *м* на расстоянии около 3 *м* от наружной южной стены здания. На глубине 6,4 *м* ее подстилал слабый культурный слой, а под ним комья глины. Здесь был также прямоугольный выступ под основание восточной башни. Южный угол платформы почти разрушен, были прослежены грани кладок неясного назначения. В восточной части платформа сильно оползла, но в разрезах этих оплывов прослежены уступы кладок, как бы спускающиеся к каналу.

Здание состояло из центрального большого помещения (№ 3), четырех окружающих его узких боковых галерей (№ 4, 8, 9 и 10) и четырех (?) прямоугольных башен, из которых четко сохранились три (1, 2, 6).

Центральное помещение (№ 3) размерами 6,65×6,55 *м*, стены высотой 2,6—2,8 *м*, толщиной 65—70 *см*, хорошей сохранности. Сложены поясами из комьев сырой глины, оштукатурены глиной с очень небольшой примесью самана и песка и местами закопчены. В южном углу часть стен повреждена. Вход находился в южной стене (3) близ восточного угла. Ширина проема 85 *см*, края его сильно округлены, высота, вероятно, 1,6—1,8 *м*. Слева от входа рядом с ним внутрь помещения отходила под прямым углом короткая (2 *м*) невысокая (1,7 *м*) защитная стенка-ширма толщиной 40 *см*, слегка загибающаяся влево. Торцовый конец ее и верх закруглены. Эта стенка, как и верх ее и прилегающая к ней часть южной стены помещения, была закопчена. В углу, образованном южной стеной помещения и защитной стенкой, у основания

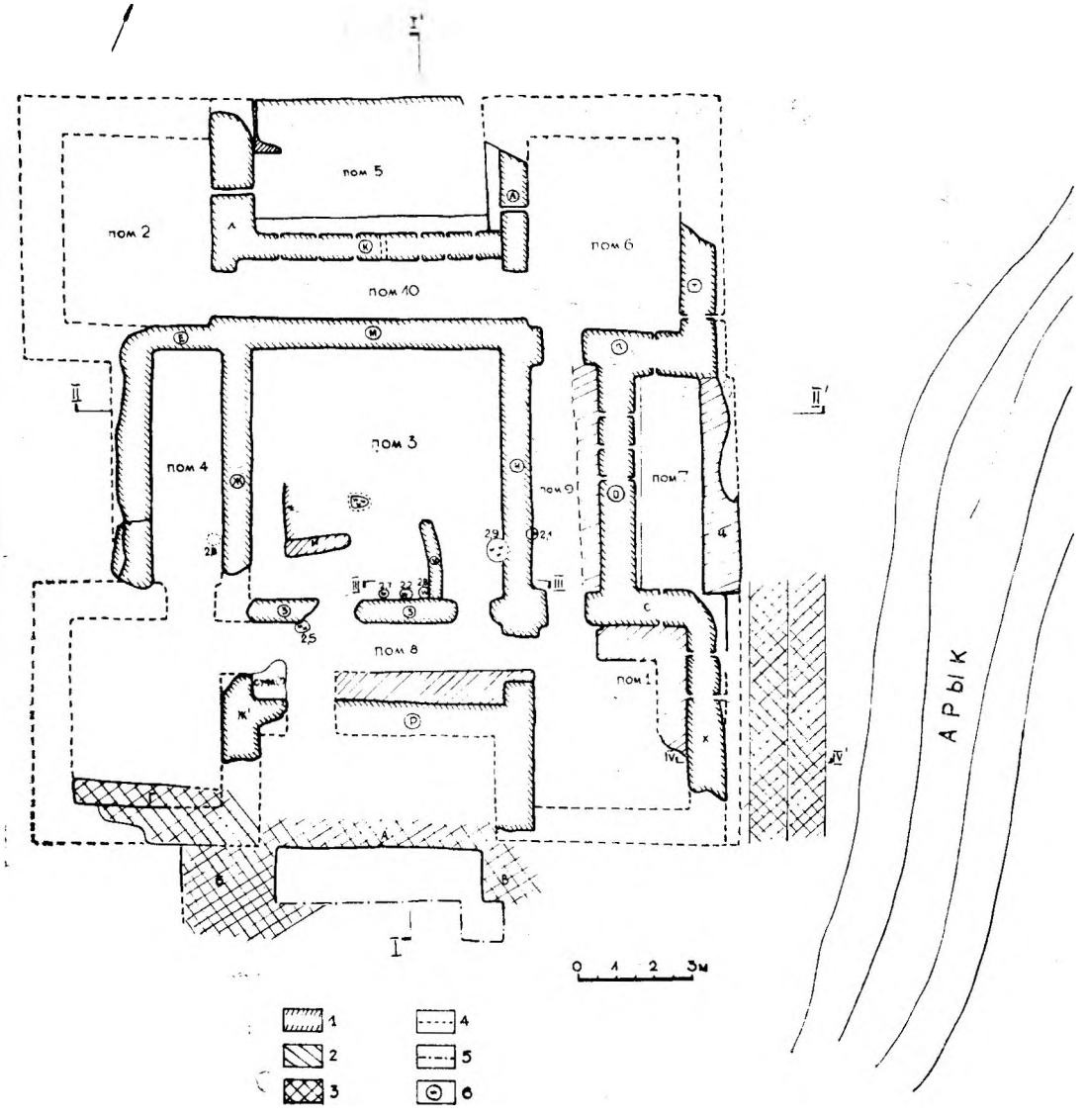


Рис. 1. Арал-тепе. План. (Граф. реконструкция Н. Г. Горбуновой)
1 — стены I периода; 2 — стены II периода; 3 — кладка на уровне ниже пола; 4 — реконструируемая часть; 5 — границы раскопа; 6 — зольники и очаги

последней на полу были остатки небольших очажков, в одном из которых лежал миниатюрный глиняный сосудик (рис. 6: 15). Пол находился на уровне 2,8 *м*, он четкий, с беловатыми, зольными и горелыми пятнами на поверхности, с углисто-красными пятнами кострищ. Подмазка пола возобновлялась несколько раз, общая его толщина — до 10 *см*.

Близ входа в помещение у подножия восточной стены находился большой очаг, частично врезанный в стену, заполненный очень большим количеством золы из тростника или травы. Очагом этим пользовались долго, и образовался большой зольник. Здесь было довольно много фрагментов керамики. Чуть подальше от входа у этой же стены был еще очаг, от него хорошо сохранилась вертикальная глиняная стеночка, ограничивавшая промазку пола. Углубление за ней было заполнено золой от шелухи или зерен растений. В центре помещения под слоем верхних промазок пола выявлен очень хорошей сохранности очаг с обожженными стенками и дном. В плане он овальный, с прямо срезанным одним концом, размерами 48×34 *см* при глубине 12 *см*, стенки вертикальные, толщиной 5—6 *см* (видимо, сандал).

Вход в помещение № 3 был из прилегающей к нему с юга галереи (помещение № 8), размерами 6,5×2,1 *м*, пол на глубине 2,8 *м*.

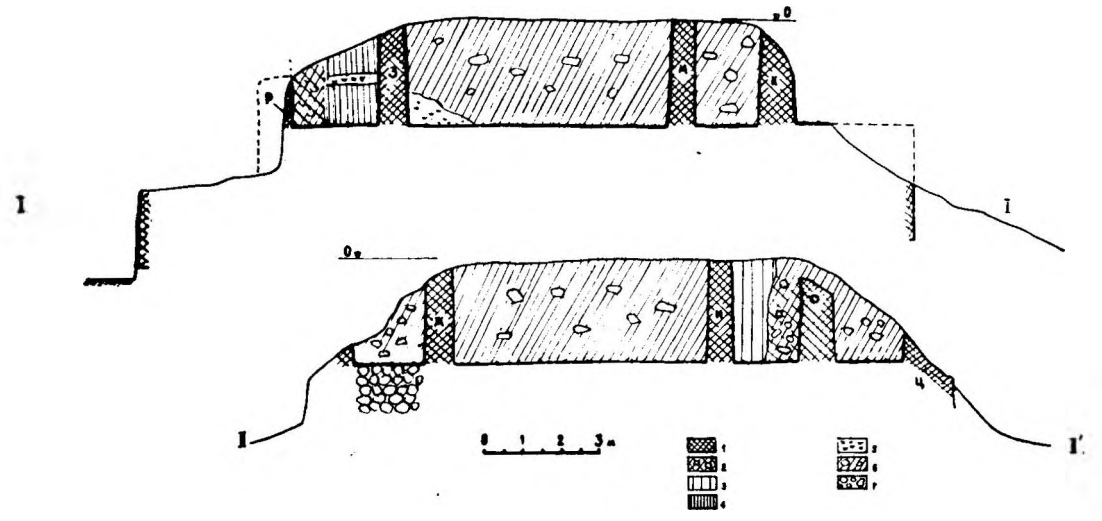


Рис. 2. Арал-тепе. Разрезы I—I и II—II

1 — стены основного здания; 2 — стены, встроенные изнутри помещения; 3 — завал; 4 — плотный завал; 5 — зольник; 6 — забутовка; 7 — гуваля

Западный (торцевой) конец помещения разрушен, сохранился южный угол поперечной стены толщиной 75 *см* и высотой 1,1 *м*, к которой примыкали остатки суфы (?) высотой 15—20 *см*, шириной около 90 *см*. Не исключено, однако, что это не суфа, а часть закладной стенки следующего периода. Рядом в южной стене (*Р*) был общий вход в здание. Высота прохода 1,2 *м*, ширина 1,4 *м*, длина 1 *м*, что соответствует средней толщине наружных стен здания. В восточном конце помещения был проход в восточную башню, оформленный боковыми выступами. В завале помещения найдены фрагменты керамики и часть цилиндрической очажной подставки (рис. 9: 9).

Помещение № 9 прилегает к центральному с востока. Размеры его 6,1×1,7—1,8 *м*, пол на уровне 2,8 *м*. Стены пахсовые. Внешняя (восточная) стена *0* вверху толщиной 80—90 *см*, внизу — 1,15 *м*, с уклоном наружу. Сохранившаяся высота ее 0,8—2,4 *м*. В верхней ее части сохранились размытые углубления (возможно, от балок деревянного перекрытия). В северной ее половине прослежены три бойницы на двух уровнях: две над самым полом и одна около 60 *см* над полом. Устройство их аналогично устройству бойниц в помещении № 10 (см. ниже). Вероятно, их тоже было 6 или 7, но южная часть этой стены сохранилась плохо. В северной (торцевой) стене находился (позднее заложенный) проход в северную башню, перекрытый деревянной балкой. Его высота 1,4 *м*, ширина 1—1,15 *м*; оформлен двумя боковыми выступами. Высота стены здесь 2,5—2,6 *м*, толщина 1 *м*. В южной стене проход шириной 1 *м*, тоже оформленный выступами, вел в восточную башню.

Помещение № 10 (северная галерея) сохранилось лучше других. Размеры его 6,5×1,7 *м*, пол на глубине 2,7 *м*, стены пахсовые. В западном и восточном концах находились проходы в башни, оформленные выступами шириной 25—30 *см*. Северная стена (*К*), толщиной в верхней части 70 *см*, расширялась внизу до 1,2 *м*. Сохранившаяся ее высота — от 60 *см* до 1,6 *м*. В стене раскрыто шесть бойниц, расположенных в шахматном порядке на двух уровнях: четыре нижних, в 30 *см* изнутри от пола, и две верхних — в 70 *см* от пола (рис. 3). Расстояния между бойницами — 70—80 *см*. Так как между сохранившимися верхними бойницами расстояние 1,6 *м*, то не исключено, что здесь была еще бойница: стена здесь разрушена, но какая-то щель (видимо, нижняя часть бойницы) была. Изнутри бойницы прямоугольной формы, 30—40 *см* высотой при ширине 10 *см*. Снаружи створ их увеличивался до 90—100 *см*, и они имели стреловидную форму. Треугольная часть образована двумя наклонно поставленными кирпичами. На расстоянии 40 *см* от плоскости стены она закрыта кирпичами, поставленными на ребро (рис. 4). Бойницы обоих уровней имеют наклонные лотки с углом падения 20° и 30° в нижних бойницах (в верхних не установлен). Из бойниц верхнего ряда виден край платформы и пространство за ней, из бойниц нижнего ряда — только плоскость платформы. Шурф, заложенный у восточной бойницы, показал, что стена как бы встроена в платформу, так как тяжелые массивные гуваля лежат вперевязку (рис. 4). В помещении № 10

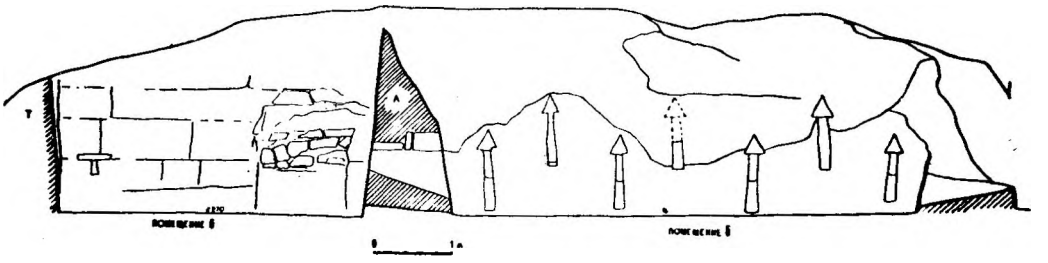


Рис. 3. Арал-тепе. Северо-западный фас. Общий вид.

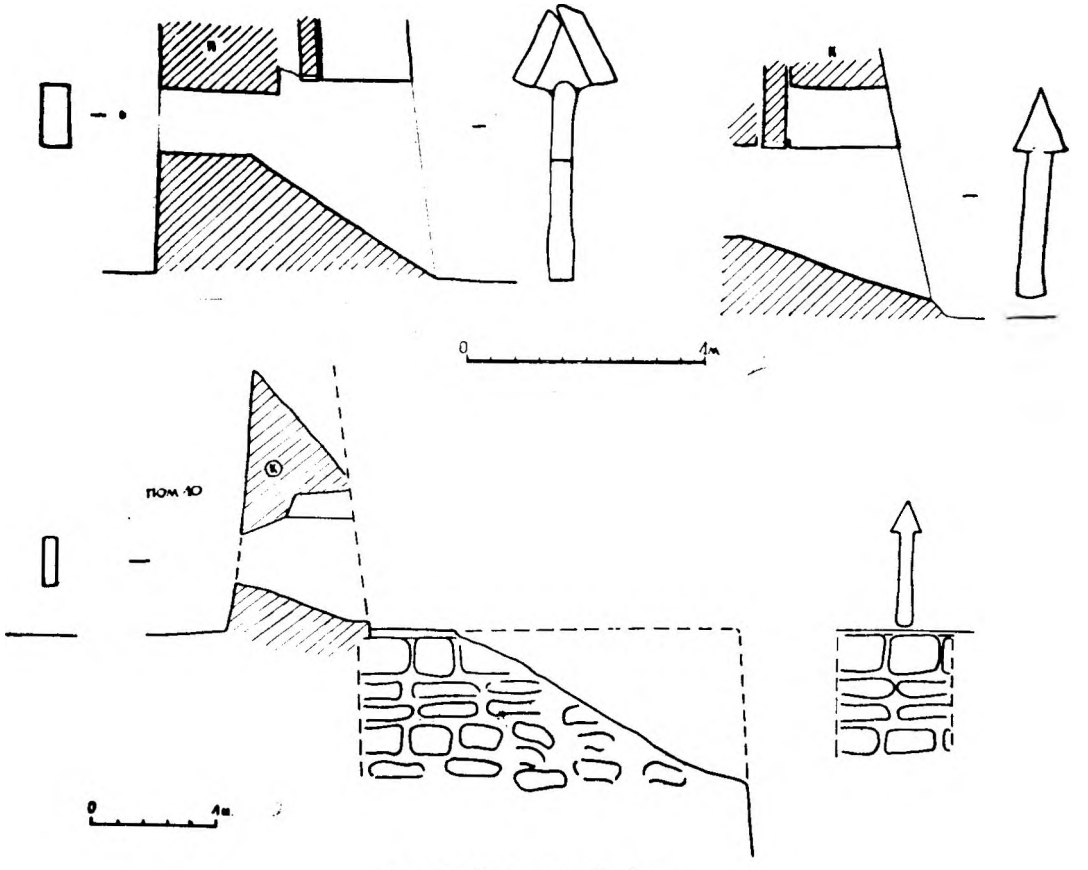


Рис. 4. Арал-тепе. Бойницы

над полом в завале найдены обломки керамики, немного костей животных.

Помещение № 4 расположено с запада от центрального помещения. Сохранившаяся длина 6,2 *м*, ширина 1,7 *м*. Северный конец глухой, прохода в западную башню нет, стена здесь сооружена, видимо, одновременно со стеной *Ж* центрального помещения. Последняя сложена из обломков пахсы высотой около 40 *см*, основание ее лежит на 40 *см* ниже пола. Наружная стена помещения № 4 толщиной около 1 *м* сохранилась лишь на 30—50 *см* высоты. Она сложена из крупных пахсовых блоков высотой 18—20 *см*, возможно, что близ ее северного конца в ней были остатки бойницы. Пол хорошо выражен (на уровне 2,8 *м*), плотный, в юго-восточной части, у стены *Ж*, был очаг-кострище. В засыпи над полом найдены обломки посуды, в том числе от миски, покрытой блестящим темно-красным ангобом, с фигурной ручкой (типа рис. 6: 4).

Из угловых башен лучше всего сохранилась северная (помещение № 6). Размеры ее внутреннего помещения известны определенно только от стены *Л* до стены *Т* — 3,8 *м*. Учитывая нижнюю толщину стены *Л* — 1,2 *м* и стены *Т* — 1,15 *м*, получим один наружный

размер башни — 6,15 *м*. Второй размер можно реконструировать следующим образом. Платформа здания выступает от наружной стены помещения № 10 на 3,2 *м*, что соответствует, как можно предполагать, выступающим стенам северной и западной башен. Восточная стена (*Д*) западной башни сохранилась на длину 2,2 *м*. И в этом месте к ней примыкает встроенная позднее стена помещения № 5, параллельная стене *К*. На таком же расстоянии от угла стены *О* (помещение № 9) находится, тоже встроенная позднее, стена помещения № 7, причем толщина последней около 1 *м*. По-видимому, и встроенная стена помещения № 5 была такой же толщины. «Достраивая» стену *Д* с учетом толщины стены помещения № 5, мы и получаем торец стены *Д* почти на краю платформы. Остающиеся еще 20—25 *см*, по-видимому, выступали и перед наружной стеной башни. В результате стена *Д* получается длиной около 3 *м*, а с учетом толщины стены *К* — немногим более 4 *м*. Такой же длины была и стена *Л*. Противолежащая ей стена *Т* дает возможность полностью установить вторую длину стены башни — 7 *м*.

Таким образом, внешние размеры башен были 6×7 *м*, а внутренние — 3,8×4,6 *м*. Установленные размеры позволяют предложить реконструкцию башен по всем четырем углам здания (рис. 1).

Пол в северной башне плотно натоптан, на нем много пятен золы, в том числе большие зольные пятна в восточном углу и в центре. Стены сложены из пахсы полосами высотой 30—40 *см* и оштукатурены глиной с саманом. В стенах по одной бойнице, устроенных так же, как в помещении № 10. Лоток бойницы опускается к стене *Л* под углом 20°, к стене *Т* — под углом 30°. Наряду с описанным выше проходом из помещения № 9, второй такой же проход вел в помещение № 10.

Восточная башня (помещение № 1) очень сильно разрушена, от нее сохранились: западная стена длиной около 4 *м*, северная (*С*) с проходом в помещение № 9 шириной 1 *м* и часть восточной (*Х*) на длину 3 *м*. Сохранившаяся высота стен — 1,5—1,7 *м*. Стены сложены из рядов пахсы высотой до 50 *см* и оштукатурены. В стенах *С* и *Х* были бойницы: в стене *С* на высоте 30 *см* от пола, в стене *Х* одна — на высоте 40—45 *см*, другая — на высоте 1 *м* (рис. 8). Пол был на глубине 2,8 *м*, очень четкий, но сохранился только в северном углу башни. С севера и северо-востока к башне примыкали какие-то наружные кладки, образовывавшие сплошной массив, назначение которого неясно.

Западная башня (помещение № 2). От нее сохранились на 2,2 *м* в длину стена *Д* толщиной 1,2 *м* с проходом в помещение № 10 и часть южной, длиной 1,5 *м*, толщиной 65 *см* и высотой 0,5—2 *м*. В стене *Д* сохранилась нижняя часть бойницы с наклонным лотком. Проход в помещение № 10 шириной 1,2 *м*, высотой 1,3—1,5 *м*. Боковые его стены образуют как бы устои, опираясь на которые, выше лежат, слегка нависая, крупные гуваля, а самая верхняя часть его перекрыта бесформенными кирпичами, частью, возможно, небольшими блоками, напоминая арку свода, хотя скорее всего это просевший заклад.

От южной башни ничего не сохранилось. Остатки кладок в южном углу здания, видимо, являлись ее фундаментом.

Таким образом, первоначальное здание представляло собой укрепленную постройку (зáмок?) с большим помещением в центре, боковыми обходными (кроме помещения № 4) галереями и прямоугольными башнями по углам (рис. 5). Вход в здание был с Ю, и оплывшие массивы кладок с этой стороны, возможно, были лестницей или пандусом для подъема наверх, сперва в «вестибюль», а затем в помещение № 8 и далее. Причем направление наружного входа и входа в центральное помещение не совпадают, создавая дополнительную преграду входящим.

Галереи и башни могли иметь плоское перекрытие, так как их пролеты были не шире 4 *м* [5, с. 114]. Сложнее обстоит дело с центральным помещением. Для плоской кровли здесь необходим был хотя бы один ряд столбов, от которых не сохранилось никаких следов. Но прекрасная сохранность стен и пола, очаги у входа и очаг типа сандала в центре свидетельствуют в пользу того, что это было помещение, а не двор, а столбы (или один центральный столб) просто полностью истлели. Этот вопрос мы вынуждены оставить открытым. Пахсовые стены галерей и башен были пронизаны стреловидными по форме бойницами, которые, однако, учитывая закрытую стреловидную часть, были, по сути, уже щелевидными. Расположение бойниц, особенно тех, что начинались всего в 20—30 *см* от пола, вызывает сомнение в их назначении. Из них практически, учитывая наклонные лотки, стрелять было некуда. Скорее всего они были ложными, играли вентиляционную роль и, возможно, служили для «устрашения». Из верхнего же ряда бойниц можно было обстреливать только уже подступившего к границе цоколя врага. Учитывая число бойниц верхнего ряда в помещении № 10, а здесь их, видимо, было три, в трех боковых помещениях было 9 «работающих» бойниц (в помещении № 8, воз-

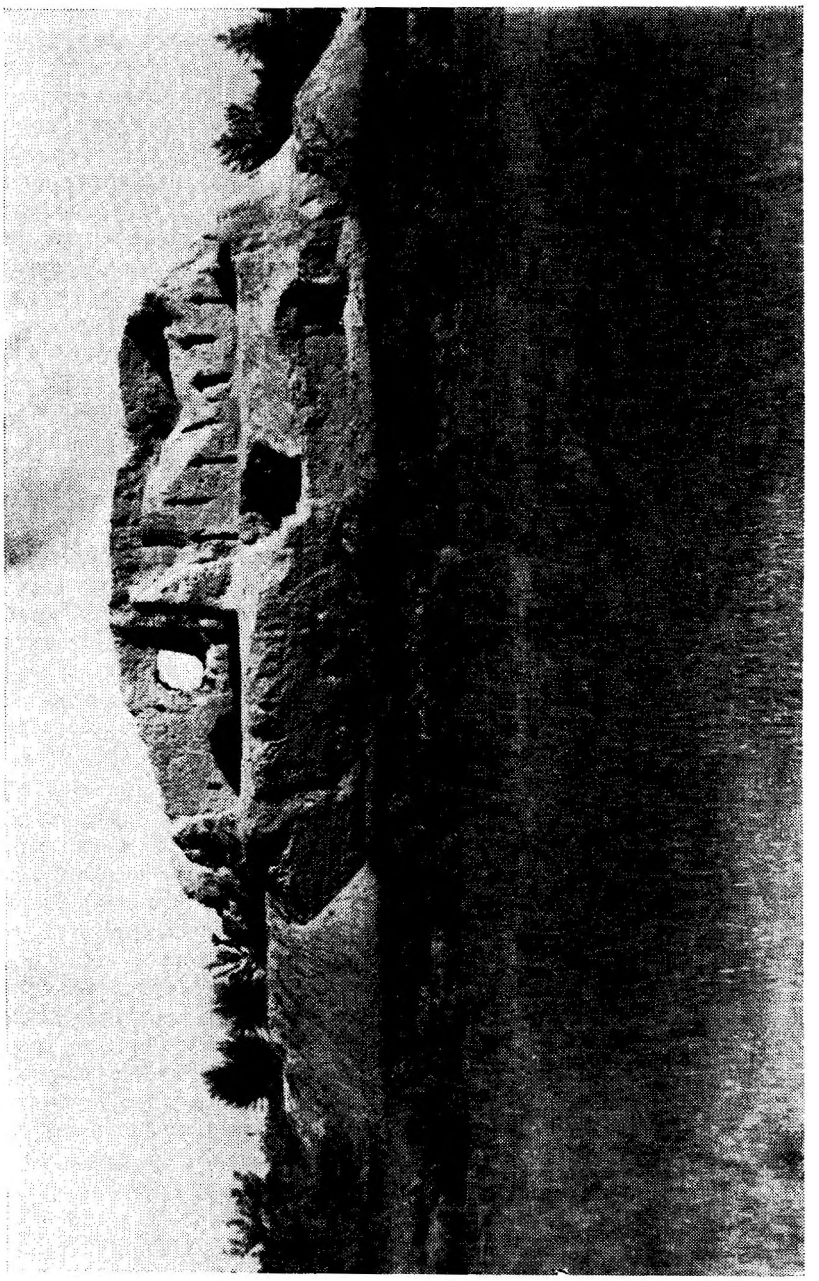


Рис. 5. Арал-тепе. Общий вид с севера

можно, их не было — никаких следов не осталось). В башнях (судя по восточной стене восточной башни, где было две бойницы) в более длинных стенах могло быть по две бойницы, одна из которых располагалась в верхней части. Иными словами, было еще 4 бойницы верхнего пояса, из которых можно было стрелять. Кроме того, в фасадах башен, не обращенных друг к другу, перед которыми уже не было плоскости платформы, «работать» могли и нижние бойницы, то есть примерно 7. Всего можно было использовать для обстрела примерно 20 бойниц. О том, что не обязательно каждую бойницу обслуживал один стрелок, уже отмечалось исследователями [*6*, с. 44]. Поэтому одновременно для защиты здания нужно было, видимо, почти в два раза меньше людей, но, учитывая необходимость охранять и вход, число защитников могло быть до 15 человек. Встает вопрос, жили ли эти 15 человек здесь, или же это были воины, приходившие сюда во время опасности и защищавшие прятавшихся в центральном помещении жителей. Само здание — явно типа зáмка — не может нам дать определенный ответ. Так, например, Е. Е. Неразик, анализируя сельские жилища Хорезма, отмечает, что в V—VI вв. в тех из них, которые имеют укрепления, сохраняются старые традиции античной фортификации [*25*, с. 72]. Однако отсутствие различий в характере помещений, невозможность выделить хозяйственные и жилые, бедность и однообразие инвентаря не свидетельствуют в пользу длительного и интенсивного обживания здания (хотя, судя по этнографическим данным, в домах могла быть и всего одна комната, жилая и хозяйственная одновременно [*13*, с. 147]). В то же время хорошо натоптанные, неоднократно подновлявшиеся полы, зольники, небольшие кострища как будто говорят в пользу постоянного обитания здесь людей. Отгороженный угол у входа в центральном помещении мог быть местом для женщин, живших здесь временно (в период опасности) или постоянно (семья владельца замка). Можно высказать предположение, что здание являлось «гапханóй», домом, где периодически собирались мужчины-воины, а в случае опасности прятались обитатели расположенных неподалеку домов. Не исключено, что здание могло быть и цитаделью несохранившегося поселения.

Первоначальное здание не было просто заброшено. Прослежены периоды как запустения, так и кардинальных перестроек. Причем этот процесс в разных частях здания выглядел по-разному.

В помещении № 3 (центральном) это прослеживается наиболее ярко. На полу лежал на 15—20 *см* слой запустения — глина с комьями, печина, угольки, обломки керамики. В дальнейшем все помещение было заполнено закладом из комьев глины, гуваля, кусков кирпичей на глиняном растворе, но положенном небрежно. Заложен был и вход из помещения № 8. Вдоль западной стены при этом был, видимо, устроен вход наверх — пандус шириной около 1 *м*, основанием которого служила подпорная стенка в южном углу, частью из пахсы, в основном из гуваля и коричневатых кирпичей без самана. Он повышался вдоль западной стены к западному углу, потом вдоль северной к северному углу помещения № 3. Заклад был сделан, когда стены были еще в хорошем состоянии. Вход наверх, вероятно, шел уже из южного угла помещения № 3, где был старый пролом, сделанный, видимо, в древности; тогда же здесь был устроен очаг, закоптивший и торец пролома стены. От построенного на закладе верхнего помещения сохранился лишь пол, являвшийся современной вершиной холма, очень плотный, ровный, размерами 5×6 *м*.

В южной галерее (помещение № 8) вдоль южной стены была пристроена изнутри дополнительная стенка толщиной 80 *см* из гуваля и одновременно повышен пол помещения на 30—40 *см*, образовав порог у входа в помещение № 3. Некоторое время помещение № 8 стояло открытым, и на этот пол с дополнительной стены натекла глина. Бóльшая часть помещения заполнена завалом. В западном конце помещения поверх завала лежал заклад из гуваля.

Несколько иначе выглядит картина северо-восточной галереи (помещение № 9). Здесь над полом на 40—50 *см* был мягкий аморфный слой запустения с обломками керамики, замытый сверху потеками глины. На этом уровне во внутреннюю стену галереи (*Н*) был встроен очаг. Бойницы были заложены глиной, и вдоль этой стены положен заклад из гуваля. Проход в северную башню был тщательно заложен. Впоследствии все помещение было довольно небрежно забутовано глиной и комьями, а сверху (до глубины около 1 *м*) лежала рыхлая засыпь с обломками керамики.

Помещение № 10 было заложено крупными массивными гуваля, бойницы замазаны глиной. На глубине 60 *см* на закладе лежал слой кирпича, поверх которого находился мягкий слой с обломками керамики.

В помещении № 4 снизу, до глубины 1,7—1,8 *м* лежали крупные комья глины (гуваля) частично с примесью самана, на растворе жидкой глины. Выше лежали пластами кирпичи или гуваля.

Заложены были также башни северная и западная. В северной башне особенно тща-

тельно был заложен южный угол до наружных краев проходов и сами проходы. Заклад южного угла состоял из более или менее горизонтальных рядов плоских гуваля типа кирпича без самана. Сверху, может быть, были и кирпичи. Хорошо была заметна вертикальная граница между этими регулярными пластами южного угла и закладом крупными гуваля или комьями остальной части помещения.

Западная башня вся заложена рядами гуваля. В восточной башне (помещение № 1) вдоль сохранившихся участков стен были поставлены изнутри, как и в помещении № 8, дополнительные стенки. Заполнение башни осталось неясным, так как грунт здесь был вынут раньше.

На каком-то из этапов перестройки здания в промежутки между башнями были встроены стены и получились как бы дополнительные помещения (№ 5 и 7). Полы их — это выступавшая часть платформы. В помещении № 5 он плотный, утоптанный, на нем найден фрагмент края кувшина с процарапанной по ангобу головой лошади (рис. 7; 6); в помещении № 7 пол нечеткий.

От дополнительной стенки в помещении № 5 сохранился только небольшой участок в западном углу, в помещении № 7 открыта вся стена, толщиной около 1 *м*. Были ли такие стенки между другими башнями — неясно. Неясно также, были это новые помещения, или стенки играли роль упора для заклада здания. О последнем позволяет говорить отсутствие входов в эти новые «помещения». Одно из них, помещение № 7, оказалось плотно заложенным в восточной части регулярными рядами из кирпичей, а в западной — из гуваля. На глубине 2—2,3 *м* прослеживалась поверхность с потеками жидкой глины, как и в помещении № 9, что скорее всего подтверждает предположение об одновременности заклада помещений № 9 и 7 и сооружении стенки между башнями № 1 и 6 как упора для заклада. Все эти перестройки и заклады были произведены спустя не очень много времени после запустения здания.

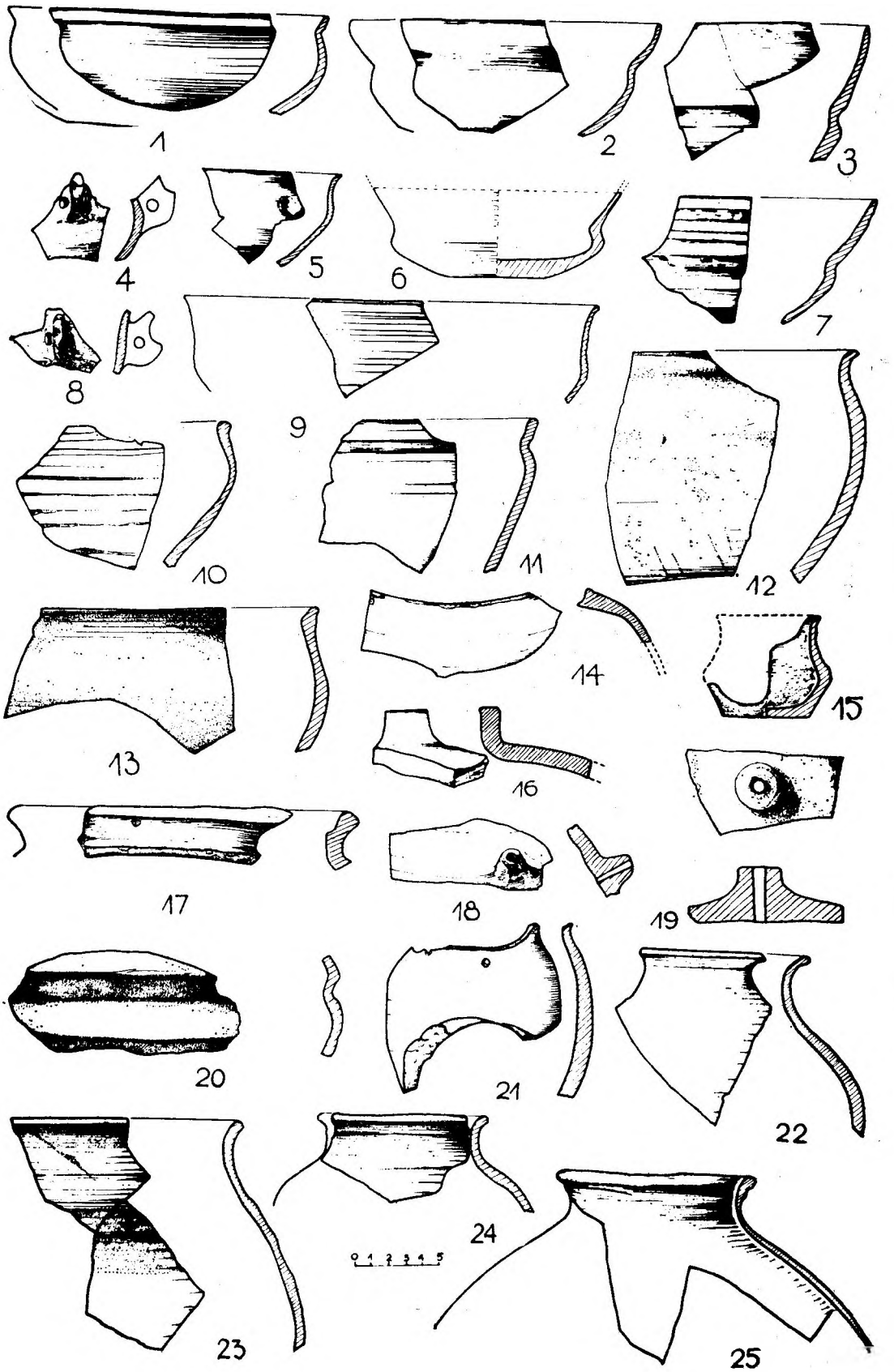
Остаются неясными два выступа, пристроенные к платформе с южной стороны. Они вместе с платформой как бы повторяют часть конфигурации первоначального здания; или это остатки «входа», как отмечалось выше, или, может быть, на самом последнем этапе здание было перестроено по тому же плану, что и первоначальное, составившее его ядро. Такие примеры в архитектуре Средней Азии встречаются неоднократно в V—VI вв. [*33*, с. 17].

Таким образом, в жизни здания определяются два основных этапа: 1) укрепленная постройка (зáмок?); 2) перестройки, забутовки, периоды запустения. Все это происходит, возможно, не одновременно, но здание теряет свою оборонительную функцию и постепенно, видимо, используется уже как фундамент для несохранившейся постройки. Хотя не исключена и полная перестройка вокруг первоначального замка.

Материал, полученный при раскопках,— в основном фрагменты керамики, пряслица и каменные орудия. Фрагментов керамики — 315. Из них примерно около 200 позволяют судить о типах сосудов. Что касается распределения по слоям, то к керамике периода первоначального обживания здания отнесены фрагменты, собранные на полах в помещениях № 3, 9 и 10, в зольнике помещения № 3 и в самых нижних слоях завалов над полами этих помещений. Она составляет всего около 80 определимых фрагментов против 220 в слоях заклада. При этом на каждый из выделяемых типов приходится от 1 до 10—20 случаев. В таблице 1 приводятся данные по слоям, причем используются уже известные индексы типов керамики [*7*, с. 117—125]. Имеющиеся расхождения с цифровыми данными таблицы предыдущей статьи [7, с. 117—125] объясняются более тщательным анализом фрагментов и тем, что теперь учитываются как материалы из слоев (без оплывов), так и фрагменты, которые не дают определенных типов, но могут быть отнесены к классам. В Арал-тепе преобладает круговая керамика, которая составляет около 90 %. Она сделана из хорошо отмученного теста, прекрасного обжига, тонкостенная, покрыта красным, реже черным ангобом. Особенно хорошим качеством отличаются миски, которые имеют сплошное зеркальное лощение по темно-красному ангобу.

Из таблицы 1 видно, что половину всех находок круговой посуды составляют миски (в нижних слоях 22 %, а забутовке 59 %), среди которых превалирует тип I*г*, особенно его подтип I$г^2$ (рис. 6: 2). Мисок подтипа I$г^9$ немного, всего 11, в забутовке (рис. 6: 6). Единичны находки подтипов I$г^{11}$ (рис. 6: 4, 8), I$г^4$ (рис. 6: 5), I$в^4$ (рис. 6: 1) и I$в^5$ (рис. 6: 11, 12, 13).

На втором месте кувшины (27 %). Форма их довольно однообразна: низкое горло, плавно отогнутый овальный в сечении венчик, тулово равномерно расширяющееся, наибольший диаметр в верхней половине тулова, дно плоское, широкое, около дна ножом сделанные подрезы — снимались излишки глины для облегчения веса сосудов. По характеру покрытия выделяются кувшины, поверхность которых на


1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
24
25

Таблица

Класс	Тип	№ рис.	нижние слои	слои забут.	всего
Миски	I*б*⁴	6, 1 и 11	3	—	3
	I*б*⁵	6, 12 и 13	1	2	3
	I*г*²	6, 2	6	27	33
	I*г*⁴	6, 5	—	1	1
	I*г*⁹	6, 6	1	10	11
	I*г*¹¹	6, 4 и 8	1	2	3
	I*г*¹²	6, 9	1	—	1
	Разные		6	87	93
	Всего мисок		19	129	148
Горшки	II*а*¹	8, 4 и 6	2	2	4
	II*а*²	8, 1 и 2	2	2	4
	II*а*³	7, 5	2	1	3
	II*г*	6, 17	4	—	4
	II*г*³	7, 1, 2 и 4	3	7	10
	II*д*	—	—	2	2
	Баночные без орнамента	—	—	1	1
	Баночные с гофрами	6, 20	—	2	2
	Разные		8	20	28
	Всего горшков		21	38	59
Кувшины	III*а*	6, 22, 24	10	20	30
	III*а*¹	6, 23	13	8	21
	III*а*²	7, 3	—	1	1
	III*а*⁴	6, 25	8	10	18
	III*г*	6, 21	—	2	2
	Разные	—	2	4	6
	Всего кувшинов		33	45	78
	Всего круговой		73	212	285
	Из нее орнаментированной		17 (24 %)	35 (15 %)	52 (18 %)
	Всего лепной		10	22	32

две верхних трети и даже больше покрыта темным ангобом, тип III*а* (рис. 6: 22, 24). Их большинство. Меньше кувшинов, тулово которых опоясано лентами цветного ангоба с узкой полосой, проходящей по краю венчика, тип III*а*¹ (рис. 6: 23). Почти столько же фрагментов от кувшинов этой же формы, но без ангоба или со светлым ангобом, отдельные фрагменты залощены, тип III*а*⁴ (рис. 6: 25). Среди последних могут оказаться, правда, и фрагменты кувшинов, украшенных полосами. Распределение кувшинов между нижним слоем и забутовкой не дает очень существенного различия.

В слоях забутовки найдены также две «бутылки» — тип III*г* (рис. 6: 21) и фрагмент орнаментированного кувшина III*а*² (рис. 7: 3), а также обломок хумчи с вертикальным краем (рис. 6: 16) и небольшого сосуда с маленьким носиком (рис. 6: 18).

Горшки составляют 20 % круговой керамики и представлены несколькими типами, количество каждого из которых всего от 1 до 10 экз. (рис. 7 и 8). При этом несколько больше горшков типа II*г*³ (рис. 7: 1, 2, 4). К числу орнаментированных относятся почти все типы, кроме типов II*г* и II*д* (II*г* по форме такой же, как II*г*³, а II*д* подобен им, но край утолщен валиком), а также не учтенные ранее горшок баночной формы без орнамента и сосуд с «гофрированной» поверхностью, подобный типу II*а*³ (рис. 6: 20), горшок с загнутым внутрь краем с желобком для крышки (рис. 6: 14).

В целом, орнаментированной круговой посуды 52 экз. (18 %). Найдены также три фраг-

Рис. 6. Арал-тепе. Круговая посуда

1, 3, 4, 7, 8, 10, 11, 16, 18—21, 23—25 — из закладов; 2, 5 — из оплыва; 6 — помещение 8, под полом; 9, 12—15, 17 — помещение 3, низ завала и пол; 22 — помещение 10, нижний слой

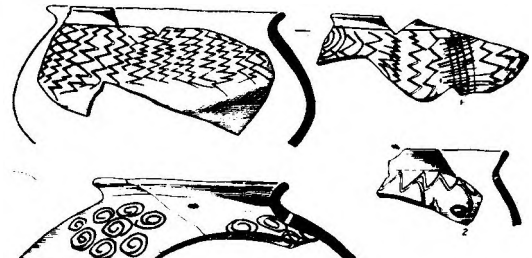


Рис. 7. Арал-тепе.
Круговые горшки с орнаментом
1, 3, 5 — заклад; 2: 2, 4 — помещение 3, пол; 6 — помещение 5, пол

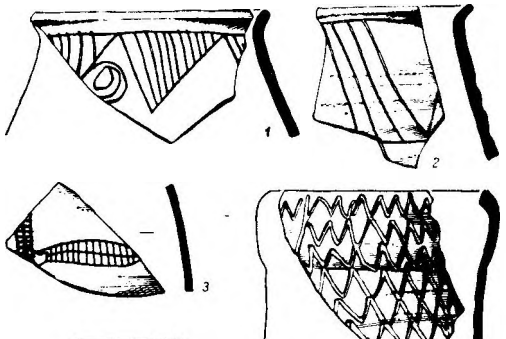


Рис. 8. Арал-тепе.
Круговые горшки с орнаментом.
1 — оплыв; 2, 4 — помещение 3, пол; 3, 5 — заклад

мента плоских крышек с проткнутой вдоль ручкой-столбиком (рис. 6: 19) и миниатюрный сосудик (рис. 6: 15).

В группе лепной посуды половина фрагментов относится к числу кухонной: миски с загнутыми внутрь краями (рис. 9: 15) составляют половину фрагментов, с плоским краем только одна; 1—2 фрагмента от кувшинов (рис. 9, 16), горшка, котлов (рис. 9: 14), от одного из котлов (?) сохранилась только плоская горизонтальная ручка (рис. 9: 11); фрагменты сковороды из теста с примесью крупного шамота. Кроме кухонной, имеются фрагменты крупных лепных мисок из плотного теста — стенки со слабым перегибом, покрытым красным ангобом с черными пятнами, и крупных мисок с профилированным краем (рис. 9: 20), кувшина с ручкой (рис. 9: 12), а также хумчей с прямоугольным и овальным в сечении краем (рис. 9: 13, 17, 18, 19).

Очень незначительно число пряслиц — всего 4. Все они глиняные, биконические, покрыты красным ангобом, одна часть имеет нарезки (рис. 9: 1—3). В зольнике у входа в центральное помещение найдена (в обломках) крупная сковорода (?), а может быть даже жаровня для углей. Она прямоугольная в плане, на одном узком краю бортик плавно опускается вниз. Помимо глиняных изделий, найдены каменные, назначение которых неясно. Это, в первую очередь, почти плоский камень в форме вытянутой трапеции с закругленным одним концом и прямым (обломанным?) другим. Размеры его 28×12×7,5 *см*, поверхность заглажена, местами почти полирована (рис. 9: 10). Затем часть длинного прямоугольного бруска с гладкими гранями (сохранившаяся длина 14 *см*, сечение 2 *см*) (рис. 9: 4). Оселок 12,5×2,5 *см*. Тёрочник (?) или лощилка полушаровидная с тремя уплощенными гранями диаметром 7 *см* (рис. 9: 8). Кроме того, имеются плоские уплощенно-овальные орудия размерами 10×5—6, 11×3,5 и 12×5—6 *см* (рис. 9: 5—7). Все каменные орудия найдены в слоях забутовки помещения № 3.

Как видим, большинство керамики и других находок происходит из забутовок здания и относится ко второму периоду его существования. Откуда брали глину для забутовки, остается неясным, не исключено, что из находившихся ранее рядом построек, частично из разрушавшихся частей самого здания. Поэтому находки из забутовок, в частности керамика, не отличаются практически от тех, что были на полах. Необходимо отметить, что состав находок довольно беден для постоянно обитаемого жилого здания.

Для датировки Арал-тепе основным материалом является керамика, которая определенно относится к среднему этапу кугайско-карабулакской культуры (I—IV вв.) [*8*, с. 39, 40]. Несомненную близость керамика Арал-тепе имеет с керамикой Куюк-тепе-I, аналогичного Арал-тепе и по устройству оборонительных сооружений. Однако керамика Куюк-тепе-I несколько разнообразнее по ассортименту, процентному соотношению классов и типов (например, кувшинов почти втрое больше в Куюк-тепе, а мисок вдвое меньше). Особенно выделяется большое количество орнаментированных кувшинов (III$а^2$) и несколько иной подтип мисок (I$г^9$), бóльший процент орнаментированной посуды (26 %, а в Арал-тепе

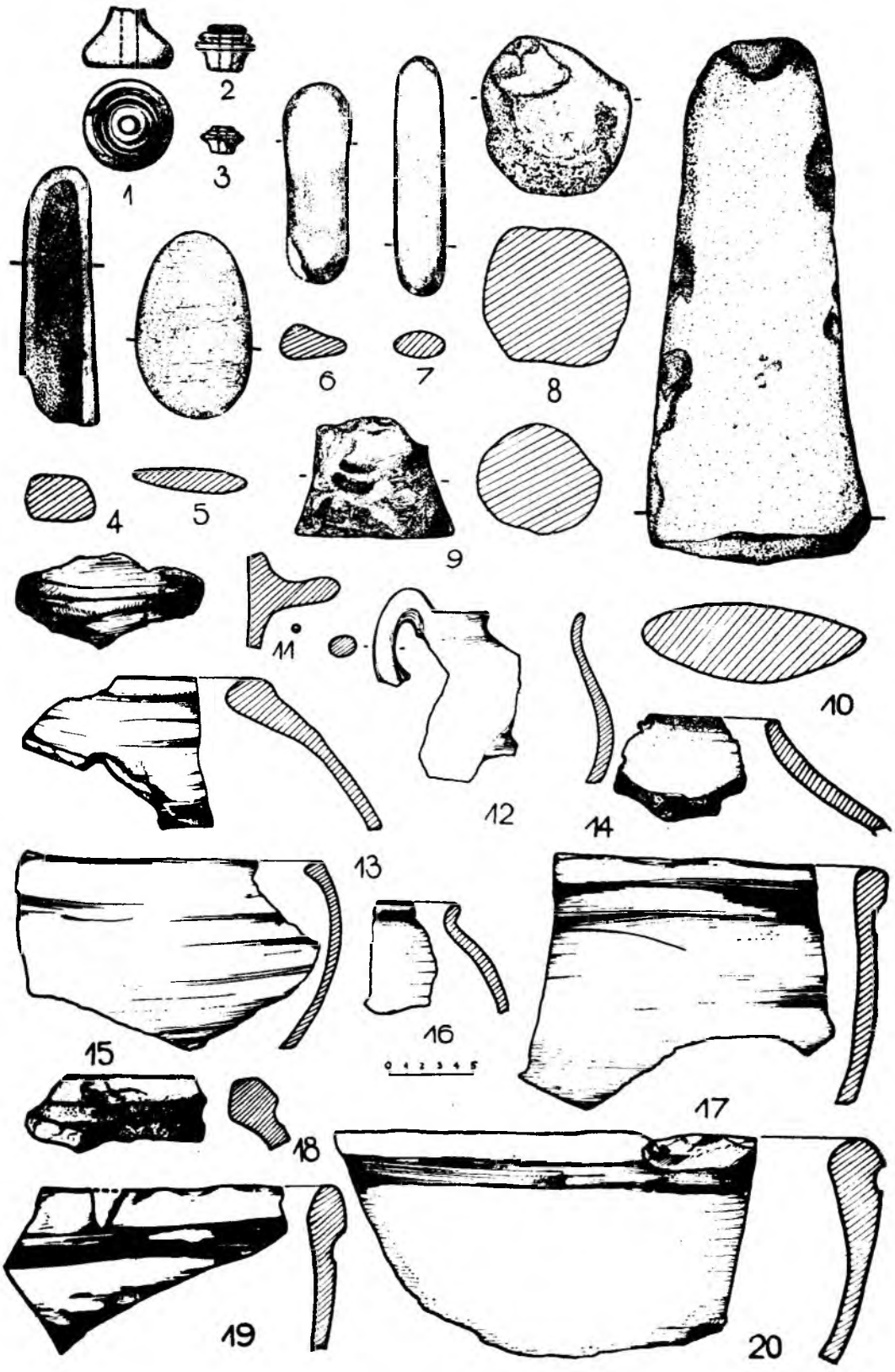
18 %, хотя в нижних слоях 24 %), большое количество крышек с ручками-столбиками, иные формы хумчей и бóльшее их количество. Несколько отличается керамика Арал-тепе и от керамики из раскопок тепе у ст. Кугай, где так же, как в Куюк-тепе, много орнаментированных кувшинов типа III$а^2$ [*21*, рис. 114, 115; *20*, рис. 23—25]. Все это позволяет высказать предположение о существовании некоторого временнóго различия между Арал-тепе и Куюк-тепе-I, но в пределах среднего этапа кугайско-карабулакской культуры. По-видимому, высокое качество мисок I$г^2$ со сплошным лощением и меньшее количество орнаментированной посуды свидетельствуют в пользу несколько более раннего функционирования Арал-тепе, ближе к началу и середине данного этапа (конец II—III в.), хотя некоторая разница в ассортименте может объясняться и различным назначением постройки и меньшей длительностью ее функционирования.

В Фергане имеются еще укрепленные здания с такими же приемами фортификации. Наиболее близким, по-видимому, было первоначальное укрепленное здание Тудаи-Калон в Северо-Западной Фергане [*32*, с. 11]. В устье р. Сох находилась крепость Сары-Курган, в которой была раскопана одна из угловых башен первоначального здания [*36*, с. 192—199]. Участок стены со стреловидными бойницами был открыт при исследовании усадьбы Кайрагач (в тексте о ней ничего не сказано, есть только фото и рисунок; возможно, это остатки какого-то более раннего здания; сама усадьба датируется IV—VI вв.) [*2*, с. 16, рис. 28—29]. В Южной Фергане часть стены со стреловидными бойницами открыта Г. П. Ивановым в 1975—1977 гг. на поселении Киткон-тепе. На поселении Арк-тепе центральное здание было укреплено четырьмя прямоугольными башнями со сводчатым перекрытием и стреловидными бойницами. (Раскопки Ферганской экспедиции в 1971—1973 и 1981—1986 гг.) Укрепленное здание Гайрат-тепе в Восточной Фергане имело округлые полые башни по углам и одну подковообразную в центре восточной стороны. По периметру располагались коридорообразные помещения, но бойниц ни в стенах, ни в башнях не прослежено [*17*, с. 218—238]. На восточной окраине Центральной Ферганы в 1968 г. раскопана цитадель городища Каламыш-тепе с прямоугольными башнями и бойницами в них. Все эти постройки относятся тоже к среднему этапу кугайско-карабулакской культуры, за исключением усадьбы Кайрагач, материал которой больше характерен для культуры Каунчи, а дата стены с бойницами неясна. В самой Фергане нет истоков для подобных оборонительных сооружений, хотя укрепленные поселения известны здесь с эпохи бронзы [*14*, с. 3—12]. Появление башен определенно зафиксировано для IV—III вв. до н. э. Они открыты на городище Эйлатан: прямоугольные, монолитные [*26*, с. 192, 193, рис. 7]. В то же время в других районах Средней Азии истоки отдельных элементов фортификации, использованные при возведении Арал-тепе, имеются.

Истории фортификации Средней Азии посвящен ряд работ [*6*, *19*, *23*, *29*, *30*, *34*, *39*]. Все данные сведены в томе «Археологии СССР» [*12*, с. 178—457] и охватывают период от эпохи бронзы до IV в. н. э. Основываясь на них, можно отметить, когда в Средней Азии появились отдельные элементы приемов строительства укреплений, интересующие нас в связи с Арал-тепе. Причем эти приемы в определенные периоды являются характерными как для небольших построек, так и для городов [*33*, с. 16, 17], хотя в последних она может быть более сложной.

Сооружение платформ для постройки зданий известно еще в эпоху поздней бронзы — раннего железа (VIII—VII вв. до н. э.) в Бактрии, например, Кучук-тепе [*1*, с. 11], и в Ташкентском оазисе (городище Канка) [*3*, с. 199].

В III в. до н. э. в Мерве на стилобате возводятся стены Гяур-Калы [*35*, с. 199]. Как характерная черта фортификации Согда IV—I вв. до н. э. отмечается наличие стилобатов, внутристенных галерей с плоским деревянным перекрытием и стреловидными бойницами. В это время здесь впервые начинают возводить прямоугольные башни с монолитной нижней частью [*37*, с. 279]. Примерно в это же время такие башни возводятся в Парфии и Маргиане [*28*, с. 214; *36*, с. 232]. В Бактрии перед рубежом н. э. (и, видимо, в первых веках н. э.) тоже известны оборонительные стены с внутристенным коридором, полыми прямоугольными башнями и стреловидными бойницами [*24*, с. 261]. В Хорезме все эти элементы фортификации появляются в разное время (VI—V вв. до н. э. по I в. н. э.) [*38*, с. 322—325] и наиболее четко прослеживаются в Топрак-Кала в III—IV вв. н. э. [*11*, с. 56—69]. Стреловидная форма бойниц известна на Древнем Востоке с VIII—VII вв. до н. э. и продолжает существовать в Иране и в ахеменидский, и в сасанидский периоды [*40*, p. 5]. Видимо, отсюда и была заимствована форма бойниц среднеазиатскими зодчими, причем в Средней Азии они доживают до раннего средневековья зачастую уже как декоративный элемент [*22*, с. 92]. Существование в Средней Азии укрепленных усадеб независимо от приемов форти-


1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
0 1 2 3 4 5

фикации известно также с давних времен [*4*; *18*, с. 320; *38*, с. 322—325]. Их количество увеличивается к концу кушанского периода [*18*, с. 342, 343; *25*, с. 22], особенно в IV—VI вв. [*33*, с. 20, 21]. Некоторые из них напоминают Арал-тепе, например, замок Холик-назар конца III — начала II в. до н. э. в Согде [*15*, с. 246—265] или тоже согдийский замок Фильмандар V—VIII вв. [*16*, с. 50—52], замок Тиркаш-тепе V—VI вв. на юге Илака [*31*, с. 292—314] (правда, здесь башни округлые). Бойницы в замках Холик-назар и Тиркаш-тепе, несмотря на значительный хронологический разрыв, в обоих случаях стреловидные, тогда как в Фильмандаре — щелевидные.

Таким образом, все изложенное свидетельствует о том, что ни сам тип отдельно стоящего здания, ни особенности фортификации не дают дополнительных данных для уточнения датировки Арал-тепе, хотя в целом он скорее всего ближе к постройкам позднекушанского времени, что соответствует и предложенной выше дате III в. Анализируя среднеазиатскую фортификацию, А. Франкфорт полагает характерными для Средней Азии легкие стены и полые башни, так как в большинстве случаев противником были кочевые племена, вооруженные луками и не имевшие осадной техники [*39*, p. 40]. Это тем более характерно для Ферганы, земледельческое население которой было, с одной стороны, постоянно связано с окрестными кочевыми племенами [*9*, с. 105], а с другой, видимо, неоднократно подвергалось нападению с их стороны. Ни Арал-тепе, ни Куюк-тепе, ни, вероятно, подобное ему Ак-тепе в поселке Кугай не были последними укреплениями перед предгорьями и не являлись пограничными форпостами. Восточнее находились еще поселения; среди них были, насколько можно судить по внешнему облику, и укрепленные (судя по подъемному материалу, относившиеся к тому же времени, что и Арал-тепе, Куюк-тепе и упоминавшиеся выше другие укрепленные поселения Ферганы). Ввиду отсутствия сведений о политических событиях в Фергане в это время, можно только высказать предположение о том, что какие-то события заставили ферганцев позаботиться об обороне своих земель именно в этот период. А на позднем этапе кугайско-карабулакской культуры (IV—VII вв.) эти укрепления большей частью прекращают свое существование, реже — перестраиваются и усиливаются. Неизвестно, какую роль играли для Ферганы события IV—VI веков, связанные с движениями хионитов, кидаритов и эфталитов, но кажется вероятным, что создание укреплений, а затем прекращение их существования определялось появлением новой волны передвижения кочевых племен, втянутых в эти события. Если на Арал-тепе мы не видим очевидных свидетельств сражений и гибели постройки, то на Куюк-тепе следы сильного пожара, разрушений зафиксированы очень четко. Найдены человеческие кости и даже лежавший ничком скелет (убитой?) женщины. Не исключено, что поселение Куюк-тепе, судя по находкам, значительно больше обжитое, представляло и больший интерес для нападающих, в то время как небольшое укрепление Арал-тепе не сыграло существенной роли в сражении либо было легко захвачено.

Подводя итоги, можно сказать, что укрепленное здание на Арал-тепе было выстроено в традициях среднеазиатской фортификации, скорее всего заимствованной ферганскими строителями из соседнего Согда. В здании вряд ли постоянно жили, оно больше походит на небольшое оборонительное укрепление, где обитали защитники-воины. После каких-то неясных событий рубежа II и III вв. (связанных, видимо, с нападением врагов) оно было заброшено, а затем постепенно перестраивалось, но вряд ли уже играло оборонительную роль.

1. *Аскаров А. А., Альбаум Л. И.* Поселение Кучуктепе. Ташкент, 1979.

2. *Брыкина Г. А.* Юго-западная Фергана в первой половине I тысячелетия н. э. М., 1982.

3. *Буряков Ю. Ф., Кошеленко Г. А.* Ташкентский оазис. Бургулюкская культура.— В кн.: Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. М., 1985 (сер. «Археология СССР»).

4. *Воробьева М. Г.* Дингильдже. Усадьба сер. I тысячелетия до н. э. в древнем Хорезме. М., 1973 (МХЭ, вып. 9).

5. *Воронина В. Л.* Архитектурные памятники древнего Пенджикента.— ТТАЭ, 1953, т. 2 (МИА, № 37).

6. *Воронина В. Л.* Из истории среднеазиатской фортификации.— СА, 1964, № 2.

7. *Горбунова Н. Г.* Керамика поселений Ферганы первых веков нашей эры.— ТГЭ, 1979, [т.] 20.

8. *Горбунова Н. Г.* Кугайско-карабулакская культура Ферганы.— СА, 1983, № 3.

9. *Горбунова Н. Г.* Некоторые особенности формирования культур древней Ферганы.— АСГЭ, 1984, [вып.] 25.

Рис. 9. Арал-тепе. Лепная посуда и прочие находки

1, 2. 3 — пряслица из закладов и оплыва; 4—7 — каменные орудия из заклада помещения 3; 8 — терочник из очага помещения 3; 9 — очажная подставка из завала помещения 8; 10 — каменное оружие, помещение 3, под полом и в зольнике у входа; 14 — помещение 9, слой над полом и на полу; 12, 13, 16, 18 — помещение 3, заклад

10. *Горбунова Н. Г., Оболдуева Т. Г.* Работы в зоне строительства Центрального Ферганского канала.— АО 1967 г. М., 1968.

11. Городище Топрак-кала. Раскопки 1965—1975 гг. М., 1981 (ТХАЭЭ, [т.] 12).

12. Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. М., 1985 (сер. «Археология СССР»).

13. *Жилина А. И.* Традиционные поселения и жилище узбеков Южного Казахстана.— В кн.: Жилище народов Средней Азии и Казахстана. [Сб. ст.] М., 1982.

14. *Заднепровский Ю. А.* Укрепления чустских поселений и их место в истории первобытной фортификации Средней Азии.— КСИА, 1976, вып. 147.

15. *Исаков А. И.* Работы Косаторошского отряда в 1975 г.— АРТ, 1975, вып. 15.

16. *Исаков А. И.* Фильмандарский замок.— УСА, 1970, вып. 4.

17. *Козенкова В. И.* Гайрат-тепе. (К истории поселений Ферганы первой половины I тысячелетия).— СА, 1964, № 3.

18. *Кошеленко Г. А.* Заключение.— В кн.: Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. М., 1985 (сер. «Археология СССР»).

19. *Кошеленко Г. А.* Парфянская фортификация.— СА, 1963, № 2.

20. *Латынин Б. А.* Некоторые итоги работ Ферганской экспедиции 1934 г.— АСГЭ, 1961, [вып.] 3.

21. *Латынин Б. А.* Работы в районе проектируемой электростанции на реке Нарыне в Фергане (Гидроэлектропроект.). Отчет о работах.— В кн.: Археологические работы Академии [истории материальной культуры] на новостройках в 1932—33 гг. М.; Л., 1935, [т.] 2 (Изв. ГАИМК, вып. 110).

22. *Литвинский Б. А., Соловьев В. С.* Средневековая культура Тохаристана в свете раскопок в Вахшской долине. М., 1985.

23. *Массон В. М.* К эволюции оборонительных стен оседлых поселений.— В кн.: Археологические памятники Кавказа и Средней Азии. М., 1966 (КСИА, [вып.] 108).

24. *Массон В. М.* Северная Бактрия.— В кн.: Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. М., 1985 (сер. «Археология СССР»).

25. *Неразик Е. Е.* Сельское жилище в Хорезме (I—XIV вв.).— ТХАЭЭ, 1976, т. 11.

26. *Оболдуева Т. Г.* О датировке стен Эйлатана.— СА, 1981, № 4.

27. *Оболдуева Т. Г.* Отчет о работе первого отряда археологической экспедиции на строительстве Большого Ферганского канала.— ТИИА, 1951, вып. 4.

28. *Пилипко В. И., Кошеленко Г. А.* Северная Парфия.— *В кн.:* Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. М., 1985 (сер. «Археология СССР»).

29. *Пугаченкова Г. А.* Парфянские крепости Южного Туркменистана.— ВДИ, 1952, № 2.

30. *Сабиров К.* Оборонительные сооружения древних поселений и городов Средней Азии в VI тысячелетии до н. э.— V в. н. э. Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. М., 1979.

31. *Салтовская Е. Д.* Начало раскопок Тиркаштепе.— АРТ, 1978, № 18.

32. *Салтовская Е. Д.* Северо-западная Фергана в древности и раннем средневековье. Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. Душанбе, 1971.

33. *Семенов Г. Д.* Городские стены раннесредневекового города как исторический источник. Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. М., 1985.

34. *Туребеков М.* Оборонительные сооружения древних поселений и городов Согда. Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. М., 1981.

35. *Усманова З. И., Филанович М. И., Кошеленко Г. А.* Маргиана.— В кн.: Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. М., 1985 (сер. «Археология СССР»).

36. *Шигин А. Е.* Сары-Курган — крепость в Фергане.— СА, 1984, № 1.

37. *Шишкина Г. В., Сулейманов Р. Х., Кошеленко Г. А.* Согд.— В кн.: Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. М., 1985.

38. *Ягодин В. Н., Никитин А. Б., Кошеленко Б. А.* Хорезм.— Там же.

39. *Francfort H. P.* Les fortifications en Asie Centrale de l'âge du bronze à l'époque Kouchane. Paris, 1979 [см. рец. Г. А. Пугаченковой (СА, 1983, № 4)].

40. *Porada E.* Battlements in the military architecture and in symbolism of the Ancient Near West.— In: Essays in the history of architecture presented Rudolf Wittkower. Praidon, 1967.